Елена Литвинская
МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ
Муза последних Романовых

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Матильда Кшесинская была талантливейшей балериной, примой Императорского театра.

Жизнь этой удивительной женщины напоминает захватывающий роман: если бы в юности не состоялась ее встреча с Николаем II, возможно, судьба сложилась бы как-то иначе. Но эта встреча состоялась…

О том, какой была Матильда Кшесинская, как прожила свою жизнь длиною в век, расскажет книга поэта и писателя Елены Литвинской. Издание дополнено цитатами из воспоминаний современников и самой Кшесинской, а также большим количеством фотографий.

- Елена Ерофеева-Литвинская
  - ○
  - ○
  - ○ Вступление
  - ○ Глава 1. Начало
    - ■ Легенда
    - ■ Детство
    - ■ Первый интерес к балету
    - ■ Дети Феликса Кшесинского
    - ■ Театральное училище
    - ■ Пример для подражания
  - ○ Глава 2. Роман с Романовым
    - ■ Знакомство
    - ■ Чувства наследника престола
    - ■ Любовь
    - ■ Трудный разговор с отцом
    - ■ Новоселье в особняке на Английской набережной
    - ■ Успехи на сцене
    - ■ Помолвка наследника престола
  - ○ Глава 3. Звезда империи
    - ■ Высокое покровительство
    - ■ Личная просьба
    - ■ Новый скандал
    - ■ Снова Романов
    - ■ Бенефис
    - ■ Великий князь Андрей
    - ■ Рождение сына
    - ■ Матильда и великий князь Сергей

        - Коронная роль
        - Прима-балерина
        - Снова на императорской сцене
        - Прощальный бенефис
        - Возвращение
        - Новые веяния
        - Кшесинская и Дягилев
        - Гастроли в Париже и Лондоне
        - 20 лет на сцене
        - Последние па
        - Благотворительная деятельность
        - Хозяйка салона
        - Рождество со слоном
    - Глава 4. Катастрофа
        - Революция
        - Захват особняка
        - Выигрыш в суде
        - Скитания
        - Отъезд
    - Глава 5. Эмиграция
        - Замужество
        - Принятие православной веры
        - Балетная студия Кшесинской
        - Вторая мировая война
        - Без сожаления о прошлом…
        - Сказка закончилась…
        - Сон
        - Кончина
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

Елена Ерофеева-Литвинская Матильда Кшесинская. Муза последних Романовых

© Ерофеева-Литвинская Е. В., 2016
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

Она вполне оправдала свою славу знаменитой танцовщицы. Ее танец разнообразен, как блеск бриллианта: то он отличается легкостью и мягкостью, то дышит огнем и страстью; в то же время он всегда грациозен и восхищает зрителя замечательною гармонией всех движений.

Так писали о Матильде Кшесинской европейские газеты.

Вступление

Знаменитая балерина Императорских театров Матильда Кшесинская немного не дожила до своего 100-летия – она родилась в дачном местечке Лигово под Петербургом в 1872 году, вскоре после отмены в России крепостного права, а умерла в Париже в 1971 году, когда бум популярной группы «Битлз» достиг своего апогея.

Ей дарили особняки, виллы, бриллианты… Но прежде всего – любовь и преданность. Матильда обладала неограниченной властью над мужчинами, и какими мужчинами – сплошь из императорского Дома Романовых! Недаром ее называли романовской фамильной драгоценностью. Секрет очарования этой необыкновенной женщины остался неразгаданным. Уже в 14 лет ее женские чары были неотразимы – ведь свадьба молодого шотландского танцора Макферсона с дочерью английского дипломата расстроилась из-за нее, малолетней кокетки, не стерпевшей того, что ей предпочли другую. Это была ее первая женская победа и первый грех, который она взяла на душу.

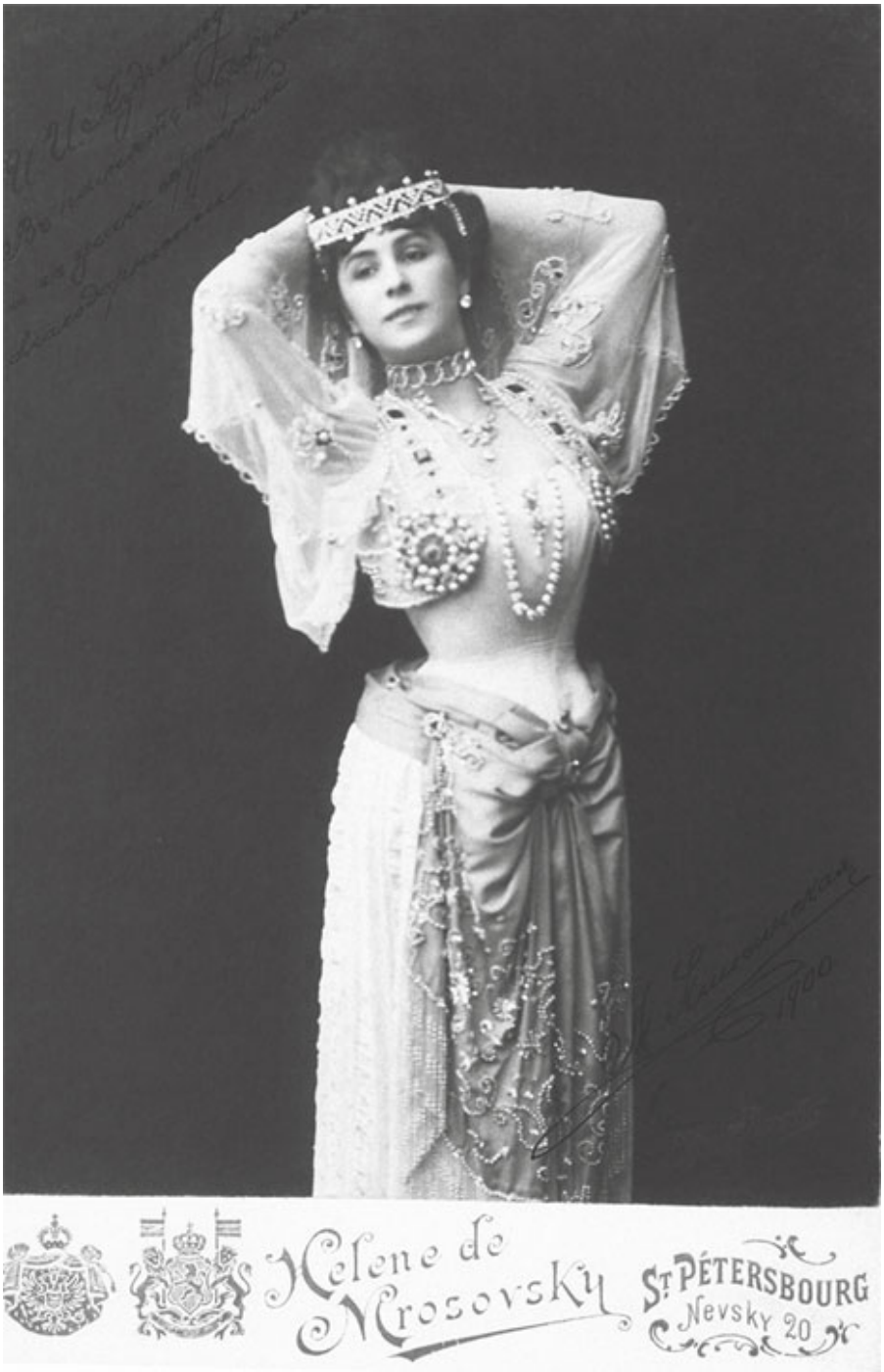
Матильда Кшесинская

Кшесинская твердо знала, чего она хочет, не скрывала своих желаний и непременно добивалась своего. Жизненной силы, воли и хватки ей было не занимать. Для той головокружительной

карьеры, которую сделала Матильда Кшесинская, ей потребовались и подлинный талант, и непомерное тщеславие, и мастерство плести интриги в жесткой конкурентной борьбе. И еще – участие в ее судьбе царского двора, для которого балет был любимейшим из искусств.

Матильда была маленького роста, с тонкой талией, ее проворные ножки были чуть полноваты для балета, но в ней торжествовал особый польский шик, она обворожительно улыбалась, показывая жемчужные зубки, и оторвать от нее взгляд было просто невозможно. Грация ли так пленяла в ней или огненный темперамент? Или неукротимая жажда жизни, сквозившая в каждом ее движении? Или внутренний огонь, пылавший в ее блестящих черных глазах? Или ее умение создать вокруг себя доверительную атмосферу полного понимания и приятия? А может, секрет в том, что она больше всех на свете любила себя и в душе считала, что достоин ее только царь? Она и была царицей – и на сцене, и за кулисами. Кшесинская могла с легкостью повторить на бис свои знаменитые 32 фуэте, которые исполнила первой из русских балерин, но никогда не повторялась в жизни – всегда была новой и непредсказуемой. Стальная воля и особая жизненная цепкость не раз выручали ее на протяжении долгой жизни.

Кшесинская снискала себе скандальную славу как возлюбленная последнего российского императора Николая II в бытность его наследником престола. Из-за этого ее имя в СССР долгое время оставалось в забвении. Советские историки балета недооценили Кшесинскую по идеологическим соображениям, так же как и великую Надежду Плевицкую – любимую певицу Николая II. И что еще важно – танец Кшесинской был призывным. Танцуя, она возбуждала в публике нешуточные страсти – настолько сильный эротический подтекст вкладывала балерина в исполняемые ею классические па. (Еще одна причина замалчивания имени Кшесинской в советское время: ведь, как известно, в СССР секса не было.) Но, отбросив сплетни и кривотолки, скажем, что она – прежде всего великая балерина, прославившая русскую танцевальную школу. Матильда не была голой «техничкой», как большинство модных в то время итальянок, напоминавших бездушных кукол, что шло вразрез с русской традицией. Виртуозную технику Кшесинская расцвечивала сильным чувством, яркими эмоциями, от которых пылало не только ее подвижное лицо, но и душа. Вот вам ключ к классической балетной мелодраме «Эсмеральда», в роли которой Кшесинская не имела соперниц – ни до, ни после. Ее коронная роль стала театральной легендой.



М. Кшесинская – Аспиччия

Великий балетмейстер Мариус Петипа отзывался о

Кшесинской как о первой звезде русского балета. Кшесинская буквально преобразила российский балет, потеснив со столичной сцены итальянских и французских гастролерш и открыв дорогу другим гениальным балеринам – Анне Павловой, Тамаре Карсавиной, Ольге Спесивцевой. И Европу она покорила задолго до знаменитых «Русских сезонов» Сергея Дягилева.

Балет определял жизнь Кшесинской и делал ее счастливой. Но успех на сцене все же был для нее не столько целью, сколько средством, а устремления ее были грандиозны и обширны. Ее не удовлетворяла роль только балерины, хотя и выдающейся. Занять высокое положение в обществе, добиться богатства и всеобщего признания, приблизиться к трону – вот какой была ее мечта. Современники говорили: «Балет она любила вообще, а жизнь – особенно». Она хотела играть главную роль не только в балетном искусстве, но и в искусстве русской жизни. Кшесинская в полной мере владела искусством жить, тем life style, что делало ее особым явлением. Она побеждала время, людей, обстоятельства… На то, чтобы стать Романовой, она положила жизнь…

Глава 1. Начало

Легенда

Семейная легенда Кшесинских захватывает воображение, словно авантюрный роман. История семьи, которую маленькой Матильде часто рассказывал отец, напоминает хроники времен Марины Мнишек. И такая параллель не случайна – та же польская кровь, те же честолюбивые устремления, та же борьба за богатство и титулы, те же авантюры. Предание передавалось из уст в уста, от отца к сыну, начиная с XVIII в. Правда, никто не догадался его записать, и Кшесинской, когда она начала работать над своими мемуарами, пришлось напрягать память и восстанавливать его по крупицам. Эти далекие события, произошедшие в Польше за полтора века до рождения Матильды, во многом определили судьбы потомков графского рода Красинских, продолживших театральную династию.

Герб графов Красинских

В польском дворянском гербовнике фамильный герб графов Красинских описан так: «На голубом фоне изображена серебряная подкова, увенчанная золотым крестом, на котором сидит черный ворон с золотым перстнем в клюве. На щите изображена графская корона, шлем и дворянская корона, на которой сидит такой же ворон».

Прапрадед Матильды унаследовал богатства и фамильное поместье от отца – графа Красинского. Молодому графу, к которому перешло огромное наследство, не удалось насладиться своим богатством в полной мере. Он рано овдовел, а вскоре, не пережив смерть любимой жены, ушел вслед за ней. Богатство и титул графа перешли к их 12-летнему сыну Войцеху. Но родной дядя мальчика, которому досталась лишь малая часть наследства, и поэтому он считал себя несправедливо обделенным, задумал все присвоить себе, устранив Войцеха с помощью наемных убийц.

Жизнь юного графа Красинского спас его гувернер-француз. Наскоро упаковав необходимые вещи, они в 1748 г. покинули пределы Польши и бежали во Францию, где поселились у родственников гувернера, в городке Нейи. Чтобы скрыть следы и не привлекать к себе внимания, преданный слуга записал Войцеха под фамилией Кржезинский – девичьей фамилией его матери. После смерти гувернера Войцех переехал в Париж, где в 1763 г. женился на польской эмигрантке Анне Земковской, а в 1770 г. у супругов родился сын, которого назвали Яном.

Через полвека, решив, что опасность миновала, семья вернулась в Польшу в надежде вернуть себе утраченное богатство и графский титул. Но эти надежды не оправдались – дядя бежавшего Войцеха объявил его давно умершим и по закону завладел всем наследством. Войцех решил обратиться в суд и доказать, что он и есть граф Красинский, но эти попытки не возымели никакого успеха. При поспешном бегстве во Францию гувернер не взял с собой документов, подтверждающих права юного наследника, а те бумаги, которые оставались в Польше, были уничтожены в огне раздиравших страну непрекращающихся смут и войн. Лишь некоторые документы сохранились в маленькой заветной шкатулке, которую прадед передал деду Матильды Яну, а тот – ее отцу Феликсу, завещая хранить ее, как зеницу ока, так как она может приоткрыть величайший секрет рода Красинских.

М. Кшесинская и Ф. Кшесинский

Выступления Феликса и Матильды Кшесинских в

Варшаве

Когда в июне 1895 г. Матильда вместе с отцом выступала в Варшаве – Феликсу Ивановичу к тому времени исполнилось 74 года, – сгорбленные старушки в партере недоумевали: неужели это тот самый Феликс, с которым они когда-то танцевали? Они уже давно не выступали, ходили с трудом, опираясь на палку, а Кшесинский был все такой же молодой, подтянутый, энергичный, блистательный. Мазурка в исполнении отца и дочери вызвала бурю аплодисментов и дождь из цветов. Варшавские газеты писали о них только в превосходной степени. Несмотря на прекрасную летнюю погоду, которая тогда стояла в Варшаве, зрительные залы на выступлениях Кшесинских были переполнены.

Опасаясь утери ценных бумаг и поддавшись на уговоры, Феликс отдал ее на хранение одному из близких родственников, но вернуть шкатулку не удалось – она бесследно исчезла. А с ней канул в Лету и семейный секрет, подтверждающий высокое происхождение рода. Сохранился лишь перстень с фамильным гербом графов Красинских, названным Вороном. В детстве маленькая Матильда часто рассматривала этот перстень и однажды решила во что бы то ни стало вернуть себе дворянский титул. Тогда она еще не представляла себе, как это будет, но упорства и целеустремленности ей было не занимать.

После возвращения в Варшаву дед Матильды Ян женился на Фелициате-Петронеле Дереговской. В этой семье родилось трое детей: дядя Матильды Станислав, тетя Матильда (в честь которой ее и назвали) и отец Матильды Феликс. Ян положил начало образованию артистической династии. В раннем детстве у него проявились выдающиеся музыкальные способности. Овладев скрипкой, он стал виртуозом, и говорят, что он выступал вместе с легендарным Паганини. Ян славился и своим голосом, прекрасным тенором, что позволило ему стать ведущим солистом Варшавской оперы. Он получил прозвище Соловушка, а польский король очень любил его слушать и называл «мой соловей». Но так случилось, что у Яна пропал голос, и тогда он стал выступать на драматической сцене и здесь тоже добился всеобщего признания. Дед дожил до 106 лет и, возможно, прожил бы и дольше, если бы не угорел от неправильно затопленной печки. В некрологе отмечалось, что у него был прекрасный голос очень мягкого тембра и что он с одинаковым успехом играл и трагические, и комические роли. Долгожительство и моложавость, должно быть,

были у Кшесинских в крови.

Феликс Иванович Кшесинский, родившийся в 1821 г., был некоронованным королем мазурки. Он учился танцам в Варшаве с восьми лет, его наставником был балетмейстер Морис Пион. Вначале Феликс попробовал себя в классическом балете, но свое истинное призвание нашел в характерных танцах и комических ролях. Аристократические манеры, польская гордость, огненный темперамент, блеск и особый шик отличали его исполнение, считавшееся эталоном. Эти черты проявлялись в искусстве всех Кшесинских, в том числе и Матильды.

Александр Плещеев о мазурке в исполнении Феликса Кшесинского

«Трудно представить себе более самозабвенное и темпераментное исполнение этого народного танца, полного грации и огня, – писал Плещеев[1], *видевший Кшесинского в зените его славы. – Кшесинскому удалось придать ему своеобразное и неповторимое достоинство и благородство. С легкой руки Кшесинского, а правильнее сказать, с его легкой ноги, началось триумфальное шествие мазурки в нашем обществе. У Феликса Ивановича Кшесинского берут уроки мазурки, которая стала одним из самых распространенных в России танцев».*

Известно, что император Николай I очень любил мазурку, и для того, чтобы наслаждаться любимым танцем, в 1851 г. выписал из Варшавы пятерых танцовщиц и пятерых танцовщиков, среди которых был Феликс Адам Кржезинский, сменивший фамилию на более благозвучную для сцены – Кшесинский. Так Феликс Иванович оказался в Петербурге, где прожил до самой смерти, купаясь в восхищении и обожании публики и царственных особ.

В зрелом возрасте, накопив достаточно денег, Кшесинский женился на Юлии Доминской, вдове французского танцовщика Леде, польке по национальности. Ей, балерине кордебалета Императорского театра, пришлось оставить сцену, чтобы воспитывать детей. Матильда, или Маля, как ее называли в детстве, была последним, тринадцатым, ребенком своей матери и число «13» считала счастливым. Суеверная, как и многие артисты, она верила в магию чисел, в счастливые совпадения. В труппе Матильда числилась как Кшесинская-вторая (первой была ее старшая сестра Юлия). Но и последний российский император Николай был Вторым. А в казино, к которому впоследствии

питала пылкую страсть, она предпочитала ставить только на 17 – роковое для нее число, – за что получила прозвище Мадам Семнадцать. В 17 лет Матильда познакомилась с наследником престола, а год 1917 отнял у нее все – императорскую сцену, богатство, родину. Говорили, что свою виллу Ялам[2] во Франции, купленную для нее великим князем Андреем Владимировичем в 1913 году, Кшесинская, будучи в эмиграции, проиграла в рулетку. Так ли это – трудно сказать. Во всяком случае, балерина всегда опровергала эти слухи.

Юлия Кшесинская

Матильда, Юлия и Иосиф Кшесинские

Азартный игрок

«В связи с моим переездом в Париж злые языки стали распускать слухи, что я проиграла все свое состояние в Монте-Карло. А правда заключается в том (и я никогда этого не отрицала), что я всю жизнь любила играть, но никогда не делала высоких ставок, особенно в казино, даже в те времена, когда имела достаточные средства и могла себе это позволить. Как и все игроки, я иногда проигрывала, но это были небольшие суммы, а вовсе не те миллионы, о которых так много говорили и которых у меня не было».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Детство

Матильда Кшесинская родилась на два года позже Ленина, на год позже первой русской эстрадной звезды Анастасии Вяльцевой и в один год с «валькирией революции» Александрой Коллонтай, писательницей Надеждой Тэффи, знаменитым тенором Леонидом Собиновым, импресарио Сергеем Дягилевым, взорвавшим Европу своими «Русскими сезонами», последней русской императрицей Александрой Федоровной, отнявшей у Матильды ее любимого Ники. Ее днем рождения стало 19 августа (1 сентября) 1872 г. Через девять лет появится на свет великая балерина Анна Павлова, через 12 лет – великая певица Надежда Плевицкая, через 20 – великая поэтесса Марина Цветаева…

Детство Мали было по-настоящему счастливым, похожим на сказку. Поэтому она и выросла внутренне свободной и жизнерадостной. А как же могло быть иначе в семье, где царила взаимная любовь детей и родителей? Эта удивительная атмосфера, в которой воспитывались дети, осталась в памяти Кшесинской на всю жизнь как самое дорогое воспоминание.

Малечка в детстве

В Петербурге Кшесинские снимали огромную квартиру в фешенебельном районе города, а лето семья проводила в имении Красницы около станции Сиверская, в 63 верстах от Петербурга

по Варшавской железной дороге. Двухэтажный деревянный дом, стоявший на высоком берегу реки Орлинки, Феликс Иванович купил у генерала Гаусмана. Кшесинский был не только выдающимся танцовщиком, но и рачительным хозяином. Он вставал в пять утра, чтобы осмотреть свое большое хозяйство – сад с плодовыми деревьями и ягодными кустарниками, огород, скотный двор и птичник. Потом семья собиралась за утренним кофе. Чего только не было на столе: домашние молочные продукты, домашние булочки, песочные пирожные, всевозможные конфитюры… В семье Кшесинских знали толк в еде. А Маля полюбила рано утром, еще до кофе, ходить в лес за грибами. Она непременно брала с собой палку и тыкала ею в пространство перед собой, чтобы не влезть в паутину – пауков она боялась больше всего на свете. Но однажды меры предосторожности не помогли, и противный черный паук оказался прямо у нее на носу. Бросив корзинку с грибами, не разбирая дороги, она с плачем побежала домой… После обильной летней еды осенью Маля возвращалась в балетный класс пополневшей, что давало повод ее учителям делать ей замечания при всех.

Пасха в доме Кшесинских

«На Пасху отец сам пек куличи, надевая при этом большой фартук, и всегда месил тесто в новой деревянной квашне. Согласно традиции, пекли двенадцать куличей – по числу апостолов. На пасхальный стол ставили сделанного из сладкого масла барашка с хоругвью. В Страстную субботу приглашали ксёндза, чтобы он освятил пасхальный стол. …Думаю, что гостеприимство я унаследовала от отца. Я тоже всю жизнь любила принимать гостей и, как говорят, всегда умела создать хорошее настроение и приятную обстановку».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Феликс Иванович был общительным человеком и обожал принимать гостей. В Красницы постоянно приезжали гости, которых размещали во всех комнатах, а то и в сарае на сеновале. Особенно много гостей было в выходные дни и в день рождения Мали, который всегда отмечался очень пышно, с иллюминацией и фейерверками, посмотреть на которые собирались люди со всей округи. А за столом прямо на голову Мали опускался цветочный венок, заранее подвешенный отцом к потолку.

На Пасху и Рождество подавали различные традиционные блюда, так как все традиции и обычаи в доме Кшесинских соблюдались строго. Забегая вперед, скажем, что, когда Матильда выросла, она превратилась в настоящую светскую львицу, а ее салон славился на весь Петербург, собирая и аристократов, и лучших артистов того времени.

Первый интерес к балету

Маля была любимицей отца. Он баловал ее без всякой меры и часто брал с собой в Большой театр (сейчас на месте этого театра располагается Консерватория), где тогда танцевал. Однажды он повез ее на дневное представление балета «Конек-Горбунок», в котором исполнял мимическую роль Хана – Кшесинский отличался драматическим мастерством и выразительной мимикой, что также унаследовала Матильда. Девочка была в восторге от того, что отец посадил ее в артистическую ложу над сценой, откуда можно было не только следить за спектаклем, который был вполне доступен пониманию маленького ребенка, но и наблюдать за сменой декораций во время антрактов. Отец, как всегда, играл прекрасно. После спектакля Маля терпеливо его ждала. А Феликс Иванович, разгримировавшись и переодевшись, в состоянии артистической эйфории поспешил домой, окрыленный успехом. Увидев, что он вернулся один, взволнованная жена испуганно спросила:

– Где Маля? Что ты с ней сделал?

– Господи! – с ужасом воскликнул Кшесинский. – Я совсем о ней забыл и оставил в театре…

Способности Матильды к балету проявились очень рано. Уже в три года она начала танцевать. Из большой гостиной, где отец давал частные уроки, доносились звуки то мазурки, то вальса, и под эти звуки девочка кружилась перед зеркалом, облачившись в мамины наряды. В четыре года ей сшили первый театральный костюм, по размерам похожий на костюм для куклы. Крошечная Маля участвовала в балете «Конек-Горбунок» – в сцене подводного царства она доставала драгоценный перстень из пасти кита. Появиться в театре нужно было за час до начала представления, чтобы получить свой парик и перстень, который маленькая артистка собственноручно прятала в китовую пасть. Этот костюм и туфельки, в которых Кшесинская выходила на сцену, хранятся в Театральном музее имени Бахрушина. Маля боялась опоздать к своему выходу, хотя он был в конце спектакля, и торопила отца. Уже тогда проявлялось свойственное ей чувство ответственности, которое в ней было развито очень сильно.

…Как-то после репетиции Феликс Иванович попросил своего приятеля, балетмейстера Льва Иванова, поставившего незабываемые «лебединые сцены» в «Лебедином озере», зайти к нему, объяснив, что хочет показать ему свою меньшую дочку и посоветоваться, что с ней делать. «Сошла с ума по балету, в театр не брать – плачет, а возьмешь – не спит целую ночь и все

старается изображать из себя балерину», – говорил Кшесинский. Придя к нему, Лев Иванович увидел одетого в балетный костюм семилетнего ребенка, который, никогда не учившись классическим танцам, с замечательной ловкостью и грацией выделывал всевозможные балетные па и принимал разнообразные, нередко весьма трудные позы. Удивившись и сам такому детскому увлечению, он всмотрелся в нее более пристально и тогда же решил, что это несомненное призвание. «Учить надо, – сказал Иванов Феликсу Ивановичу, – и учить немедленно. Такая любовь к танцам явление редкое, это несомненный талант, который необходимо развить. Ты увидишь, что она будет балериной и знаменитостью».

Сцена из балета Минкуса и Адана «Своенравная жена». Вторая слева – М. Кшесинская

Петербургские газеты о юбилее Кшесинского

8 февраля 1898 г., в день 60-летия творческой деятельности Феликса Кшесинского[3]*, газеты писали:*

«Менялись балетмейстеры и балерины, уходили и приходили руководители театра, режиссеры и дирижеры, и только он по-прежнему оставался на своем посту,

несравненный и поистине незаменимый».

Отцу ничего не оставалось, как вслед за старшими детьми отвести любимую дочь в балетную школу.

Дети Феликса Кшесинского

С детства Матильде хотелось быть лучшей во всем – побеждать в играх, выигрывать в спорах, отличаться в учебе, носить самые красивые платья, привлекать внимание взрослых и сверстников. Отчасти поэтому она и стала балериной. Ведь танцовщицы всегда находились на виду и имели массу поклонников. На выбор профессии повлияло и то, что Матильда родилась в артистической семье. Первой из детей Феликса Ивановича продолжила балетную традицию старшая дочь Юлия. Она была красавицей и так же, как и отец, с блеском исполняла характерные танцы. Очень талантлив и красив был и старший брат Матильды Юзеф, во многом похожий на отца своей статностью и влюбленностью в балетное искусство. Детям перешли по наследству и выдающийся талант отца, и отменное здоровье.

Ю. Ф. Кшесинская-первая

Театральное училище

В 1880 г., когда Мале исполнилось восемь лет, ее приняли в Императорское театральное училище, расположенное в огромном казенном здании на улице, которая так и называлась – Театральная. Строгий ансамбль зданий желто-белого цвета, построенных в стиле ампир, делал этот уголок одним из самых красивых в столице. В училище, где Матильда была приходящей ученицей, то есть жила у себя дома, а не в пансионе, Кшесинская приезжала в маленьком шарабане, запряженном пони, вызывающем любопытство у прохожих. Можно было отдать детей на полное казенное обеспечение с проживанием в училище – в бельэтаже располагались мальчики, этажом выше – девочки, – как делали многие родители. Однако Кшесинские пожелали, чтобы их дети оставались в семье, потому что считали: самое главное – это семейное воспитание.

Первые три года Матильда занималась в классе у Льва Иванова, в свое время предсказавшего ей блестящее артистическое будущее, но его уроки были настолько невыразительными и монотонными, что она умирала от скуки. Все незамысловатые движения, которые давал на уроке Иванов, были ей хорошо знакомы по занятиям дома, поэтому она часто отвлекалась и не слушала педагога. Лев Иванович не отличался фантазией, ограничивался стандартными замечаниями, вроде «Прошу вывернуть колени!», никогда ничего не исправлял и не оставлял учениц после уроков, даже если движения выполнялись неверно. И голос у него был ленивый и совершенно не вдохновляющий. Он сам аккомпанировал себе на скрипке, которую, как подозревала Матильда, любил гораздо больше своих учениц.

В 13 лет Кшесинская перешла в класс Екатерины Вазем, где разучивались гораздо более сложные движения. Вазем была педантичной и строгой. Ни одна ошибка не ускользала от ее зоркого взгляда, не то что в классе у Иванова. К Матильде она относилась благожелательно и только иногда делала ей замечание: «Кшесинская, не морщи, пожалуйста, лоб, а то состаришься раньше времени!» Но и в этом классе, по мнению Матильды, не было атмосферы творчества.

А вот класс Христиана Иогансона, у которого она начала учиться, когда ей исполнилось 15 лет, ей сразу же пришелся по душе. Обрусевший швед, много сделавший для развития русского классического балета, Иогансон был вдохновенным творцом-романтиком, в атмосфере уроков которого Матильда расцвела.

Она не только почувствовала вкус к учению, но стала заниматься с настоящей страстью.

М. Кшесинская – воспитанница Императорского театрального училища

«Будучи человеком умным и очень наблюдательным, он делал весьма меткие замечания, оказавшие большое влияние на наше артистическое развитие, – вспоминала Кшесинская. – Каждое движение имело у него определенное значение и выражало какую-либо мысль или настроение. Именно этому он и старался нас научить».

То, что Маля оживилась в классе Иогансона, было очень важно, ведь одно время учеба настолько ей наскучила, что она хотела просить родителей забрать ее из училища и даже стала сомневаться в правильности выбранного пути. Может, ей лучше стать пианисткой? Отсутствие энтузиазма у Мали можно объяснить тем, что императорский балет, увы, переживал тогда не лучшие времена. Публика, заполнявшая кресла Мариинского театра, откровенно скучала. Смотреть было некого. Балерины старшего поколения – Соколова, Горшенкова, Вазем – в силу возраста уже начали сходить со сцены и не производили прежнего впечатления. Маля вместе с другими ученицами участвовала в спектаклях, но вдохновляющего примера, идеала, на который можно было бы равняться, перед глазами не было.

Пример для подражания

Неизвестно, как бы сложилась судьба Кшесинской, если бы в один прекрасный день ей не посчастливилось попасть на выступление итальянской балерины Вирджинии Цукки. Когда она увидела эту немолодую черноволосую артистку в легких шелках, чей выдающийся талант находился в полном расцвете, в ее сознании произошел переворот. Вот что значит искусство балета, и вот так надо танцевать, чтобы получить право называться актрисой! Теперь перед глазами Мали стоял этот незабываемый блистательный образ, и она начала усиленно заниматься в классе, чтобы приблизиться к своему идеалу.

Много лет Матильда хранила заспиртованный цветок, подаренный ей Цукки, и об утрате его во время революционных событий сокрушалась едва ли не больше, чем о потере своего богатства. Что ж, она была сентиментальна… А больше всего она горевала о том, что не удалось сохранить письма наследника престола. Во время революционных событий Кшесинская отдала шкатулку с дорогими ее сердцу письмами своей подруге. Оказавшись в эмиграции, в 1928 г. от дочери подруги она узнала, что письма пришлось сжечь из соображений безопасности – в квартире часто устраивались обыски, а потом подругу арестовали. Утрата писем стала для балерины страшным ударом.

Вирджиния Цукки

Итальянская знаменитость Цукки

«Танец Цукки был и оставался для меня вершиной балетного искусства. Благодаря ей я поняла, что в искусстве виртуозная техника должна быть лишь средством выражения, а не целью. У нее были удивительно выразительные руки и плечи. С детским восторгом я следила за ее движениями, и мне все время хотелось их повторить. Уже будучи балериной и получив роль Эсмеральды, я черпала вдохновение в воспоминаниях об исполненном драматизма танце Цукки. Она была моим кумиром и наставницей в моих ранних, еще по-детски наивных поисках собственного пути в искусстве. Я всегда была преданной почитательницей блистательного таланта Цукки и останусь ей благодарна до конца своих дней».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Глава 2. Роман с Романовым

Знакомство

…На столе, накрытом для торжественного ужина в Императорском театральном училище, перед каждым прибором стояла простая белая кружка. Наследник престола, будущий император Николай II, посмотрел на нее и, обращаясь к семнадцатилетней выпускнице Матильде Кшесинской, спросил:

– Наверняка дома вы не пьете из таких кружек?

Простой, бесхитростный вопрос, но с него начался один из самых известных романов века. Матильда сидела, словно во сне. Она боялась признаться самой себе, что сразу же влюбилась в наследника. Эти прекрасные голубые глаза, этот взгляд, проникающий прямо в душу… Расставаясь, молодые люди уже смотрели друг на друга не так, как при встрече. В их сердцах зарождалось настоящее взаимное чувство, хотя они об этом пока не догадывались…

Наследник Николай Александрович

23 марта 1890 г. в училище состоялся выпускной экзамен. В тот день Матильда волновалась, как никогда, и накануне почти не спала. Еще бы – на спектакле будет присутствовать цвет российской аристократии и вся царская семья! Через щелку в занавесе Матильда с трепетом наблюдала, как в креслах рассаживаются венценосные гости: император Александр III, выделявшийся своей величественной фигурой, с императрицей Марией Федоровной, наследник престола Николай Александрович. Были здесь и четверо братьев императора –

великий князь Владимир Александрович с супругой, великой княгиней Марией Павловной, великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, великий князь Сергей Александрович со своей красавицей супругой Елизаветой Федоровной и великий князь Павел Александрович с молодой женой, великой княгиней Александрой Георгиевной, которая в то время ждала своего первого ребенка, а также генерал-фельдмаршал, великий князь Михаил Николаевич с четырьмя сыновьями. Как же сильно билось сердце Матильды! И в ожидании своего выступления, и в предвкушении встречи с царской семьей. Она обожала Романовых, казавшихся ей небожителями.

Лучшим ученикам – а Кшесинская входила в их число – давали право самим выбрать себе танцевальный номер для выступления. Матильда вместе с учеником выпускного класса Рахмановым исполнила па-де-де[4] из балета «Тщетная предосторожность» на музыку неаполитанской песни «Звезда надежды», в котором, незадолго до экзамена, на сцене Мариинского театра блистала знаменитая Вирджиния Цукки и Павел Гердт. В голубом костюме, украшенном букетом ландышей, Кшесинская была необыкновенно грациозна и пленительна. Чтобы никого не обидеть, аплодировали всем ученикам одинаково, и по аплодисментам трудно было судить о произведенном впечатлении. И все же Кшесинская обратила на себя особое внимание императора…

По традиции сначала царской семье представляли пансионерок, тех, кто постоянно жил в училище, и только потом приходящих учениц. Лучшими в училище были Рыхлакова, классическая танцовщица с виртуозной техникой, и Скорсюк, характерная балерина, чей танец отличался оригинальностью и живым темпераментом (кто их теперь помнит?). Но, поломав устоявшийся распорядок церемонии, император Александр III своим звучным голосом спросил: «А где Кшесинская?», что явилось и для Матильды, и для классных дам полной неожиданностью. Все растерялись, но пришлось все-таки первой вывести Кшесинскую, которая скромно стояла в стороне. Матильда присела в глубоком реверансе, а император протянул ей руку и произнес слова, которые она помнила всю свою долгую жизнь: «Мадемуазель, вы будете красой и гордостью нашего балета». Эти слова прозвучали и как пророчество, и как напутствие, и как приказ и настолько ошеломили Кшесинскую, что она с трудом понимала, что происходит вокруг.

Кшесинская – Лиза в балете «Тщетная предосторожность»

Император Александр III

Оправившись от замешательства, все перешли в столовую воспитанниц-пансионерок, где для торжественного ужина были накрыты три стола. И опять император обратился к Матильде и

поинтересовался, где ее место за столом. Но у нее не было своего места, так как она была приходящей ученицей. Тогда Александр III, севший во главе одного из длинных столов, попросил ее занять место рядом с ним. Наследнику он указал на место рядом с Кшесинской и добавил: «Только не слишком-то флиртуйте!» Если бы только флирт – это была любовь с первого взгляда…

Вернувшись домой, Николай записал в своем дневнике: «Мы поехали на представление в Театральное училище. Нам показали небольшую пьесу и балет. Очень хорошо. Потом был ужин с воспитанницами». Наверное, он еще не осознал, что очаровательная юная балерина завладела его сердцем и воображением. А она чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Охваченная радостным возбуждением, Матильда всю ночь не могла сомкнуть глаз и все время возвращалась в мыслях к событиям минувшего вечера.

Теперь Матильда как бы невзначай встречалась с наследником на улицах Петербурга, а он стал посещать все ее спектакли, называя ее в дневнике «маленькой Кшесинской».

Матильда ловила каждый взгляд наследника, обращенный в ее сторону. Два дня спустя после памятного вечера она шла с сестрой по Большой Морской улице. На подходе к Дворцовой площади их неожиданно обогнал экипаж Николая. Увидев балерину, он оглянулся и долго на нее смотрел. В другой раз Кшесинская увидела наследника в саду возле Аничкова дворца, где в то время была резиденция Александра III. Вместе с сестрой Ксенией Николай стоял на горке и наблюдал за проезжавшими экипажами. Каждая такая встреча была для нее огромной радостью. А в день рождения Николая 6 мая – ему исполнилось 22 года – она украсила свою комнату маленькими флажками в его честь.

Влюбленность юной Мали

«Я полюбила наследника престола с первой нашей встречи. Во время летнего сезона, когда мы могли часто видеться и разговаривать, это чувство захлестнуло меня целиком и переполнило мою душу. Ни о чем другом я думать просто не могла.

Мне казалось, что даже если он меня и не любит, то все же чувствует ко мне какое-то влечение.

Невольно я предавалась самым безумным и несбыточным мечтам. Нам так ни разу и не удалось

поговорить наедине, и поэтому я не могла узнать, как он ко мне относится. Об этом я узнала уже потом, когда мы с ним сблизились».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Виделись они и во время летнего театрального сезона в Красном Селе, где проводились войсковые маневры. Здесь давались лучшие спектакли с лучшими исполнителями. В Красном Селе были разбиты летние лагеря, и зал театра – с белыми, под мрамор, обоями и с золотыми украшениями в виде военных атрибутов на барьерах лож, заполняли офицеры гвардейских полков. После спектакля актрисы вовсю кокетничали с толпящимися перед гримерной гвардейцами.

Открытие красносельского сезона состоялось в день, когда главнокомандующий, великий князь Владимир Александрович, проводил войсковой смотр на полигоне. Тот день Кшесинская ждала с замиранием сердца. Она надеялась увидеть наследника и поговорить с ним во время антракта, ведь по традиции император и великие князья в антракте приходили на сцену и разговаривали с артистами. И мечта Матильды сбылась! Николай пришел на сцену и в день первого спектакля, и во все последующие. Счастью Матильды не было предела: они могли беседовать и смотреть друг другу в глаза.

Чувства наследника престола

А что чувствовал наследник, в то время как Маля сгорала от любви? Вот отрывки из его дневника 1890 года, относящиеся к пребыванию в Красном Селе: «10 июля, вторник. Был в театре, ходил на сцену. 17 июля, вторник. Кшесинская-вторая определенно мне нравится. 30 июля, понедельник. Беседовал через окно с малюткой Кшесинской. 31 июля, вторник. После вечернего чая в последний раз поехал в Красносельский театр. Попрощался с Кшесинской. 1 августа, среда. В 12 часов состоялось освящение знамен. Стоял у театра, предаваясь воспоминаниям».

Сдержанный и скромный, он не очень-то доверял бумаге свои переживания.

Летние дни, наполненные счастьем и надеждой, пролетели очень быстро. Театральный сезон в Красном Селе закончился, все разъехались.

Тем же летом Кшесинская отправилась в Петергоф, чтобы навестить свою старшую подругу, актрису и певицу Марусю Пуаре, будущего автора знаменитых романсов «Лебединая песнь» и «Я ехала домой», с которой сблизилась во время красносельских спектаклей. Прогуливаясь с подругой по парку в надежде встретиться с Николаем, который с семьей всегда проводил конец лета в Петергофе, Матильда неожиданно замедлила шаг и попросила держать в тайне все, что она сейчас скажет. Чувства переполняли ее, и не поделиться с подругой она не могла.

– Я влюблена…

Малечка перевела дыхание. Ее черные глаза заискрились еще ярче, лицо словно озарилось изнутри. Маруся невольно залюбовалась ею.

– В наследника престола!

И Кшесинская рассказала Марусе все подробности ее встреч и разговоров с будущим императором Николаем II. Она полностью доверяла подруге – сплетничать и злословить было не в ее характере.

– Помолись за нас, очень тебя прошу. Ты добрая, Господь тебя услышит. И поверь мне, ты тоже встретишь своего прекрасного принца.

Предсказание Малечки вскоре сбылось. Героем Марусиного романа и самой большой любовью всей ее жизни стал потомок Рюриковичей, один из богатейших людей России, князь Павел Долгоруков.

Подруги гуляли допоздна, но с наследником так и не

увиделись.

Осенью Николай должен был отправиться в кругосветное путешествие. Какую же тоску и одиночество испытывала Матильда, ведь она окончательно потеряла надежду его вновь увидеть! Разлука казалась бесконечной. Перед отъездом наследник попытался было все-таки организовать встречу наедине с помощью своего сослуживца и поверенного в сердечных делах гусара Евгения Волкова, у которого был роман с балериной Татьяной Числовой-Николаевой, незаконной дочерью великого князя Николая Николаевича старшего, но это оказалось невозможным: Маля жила с родителями, а его самого на каждом шагу сопровождала охрана. Отчаявшись увидеться, Николай через того же гусара Волкова попросил балерину передать ему хотя бы свою фотографию, чтобы взять ее в путешествие. Но, перерыв все комоды, Матильда ничего подходящего не нашла – она считала, что на фотографиях выглядит уродливо.

23 октября 1890 г. Николай вместе с братом, великим князем Георгием Александровичем, выехал из Гатчины. Путь их лежал в Грецию. Осмотрев Афины, они сели на крейсер «Память Азова». Но запланированное на год путешествие пришлось неожиданно прервать: в Японии наследника ударили самурайским мечом по голове, и, если бы греческий принц, сопровождавший Николая в путешествии, не пришел на помощь, все могло закончиться плачевно. Надо ли говорить, как потрясла Малю, следившую за перемещениями наследника по газетам, эта новость. С волнением и нетерпением ожидала она возвращения своего любимого. Они не виделись девять месяцев.

Первая рецензия на дебют Кшесинской

«Госпожа Кшесинская в па-де-де из «Тщетной предосторожности»[5] *произвела самое благоприятное впечатление. Грациозная, хорошенькая, с веселою детской улыбкою, она обнаружила серьезные хореографические способности в довольно обработанной форме: у госпожи Кшесинской твердый носок, на котором она со смелостью, достойной опытной балерины, делала модные двойные круги. Наконец, что опять поразило меня в молодой дебютантке, это безупречная верность движения и красота стиля».*

(А. Плещеев.)

Наследник вернулся 4 августа 1891 г. и сразу же направился в Красное Село, где был в разгаре театральный сезон. Вечером того же дня влюбленные встретились в театре. Опять разговоры на людях и ничего больше! Кругом толпились артисты, гвардейцы, но Маля была совершенно счастлива. Правда, счастье длилось недолго – вскоре наследник вместе с родителями уехал в Данию и появился в Петербурге только в конце года.

Между тем балетная карьера Кшесинской развивалась стремительно. После выпускного экзамена ее сразу же зачислили в труппу, и уже через месяц она дебютировала на сцене Мариинского театра. Ее дебют не остался незамеченным ни публикой, ни критикой – сам Плещеев удостоил внимания юную балерину! Свежий номер «Петербургской газеты» с первой в жизни Мали рецензией принес домой отец. Он с гордостью за свою любимицу зачитывал хвалебные строки. Этот отзыв Маля вырезала из газеты и наклеила в специально заведенный для этого альбом. А сколько таких восторженных рецензий накопится у нее к концу карьеры!

Попыталась было Кшесинская брать уроки итальянской виртуозности у знаменитого маэстро Энрико Чекетти, но на нее за это обиделся Иогансон, любимый «Христенька», и занятия пришлось прекратить. Но эти уроки не прошли даром. Они позволили ей не только приобрести совершенную технику, свойственную итальянкам, но и обогатить ее лиризмом, естественностью и мягкостью, характерными для русской классической школы. К этому добавлялись пантомимический талант, унаследованный от отца, и драматизм, позаимствованный у Вирджинии Цукки. Ей давали роли, в которых можно было блеснуть. В «Спящей красавице» у нее было несколько выходов: в первом акте она танцевала партию доброй феи Кандиды, во втором – партии маркизы, а в последнем Маля исполняла танец Красной Шапочки с Серым Волком, который очень нравился наследнику. Однажды, уже начав приходить к Кшесинской в гости, Николай, нацепив на голову платочек и где-то отыскав корзинку, в полутемной гостиной с юмором исполнил этот любимый им танец, одновременно изображая и Красную Шапочку, и Волка. После этого он записал в дневнике: «Вернулся в Аничков при снеге, валившемся хлопьями. И это называется весна? Обедал с Сергеем у себя, а потом поехал навестить Кшесинских, где провел полтора приятных часа».

Всего в театральном сезоне 1890/91 г. Кшесинская была занята в 22 балетах и 21 опере с танцевальными номерами. Огромная нагрузка, и можно представить, сколько ей приходилось трудиться в классе и репетиционном зале. Но она

помнила напутственные слова императора и для того, чтобы оправдать его доверие, готова была делать все, отказываясь от радостей жизни, к которым так тянет в юности. Кшесинская умела выкладываться у балетного станка в любом настроении, при любых обстоятельствах. Это со стороны казалось, что все так легко и воздушно, что успех приходит к ней как по волшебству. За славой и бурными овациями стоял титанический труд. Гордость не позволяла балерине распространяться о ежедневных многочасовых упражнениях и жесткой самодисциплине.

Любовь

Сразу после выпускного вечера в дневнике Кшесинской появилась запись: «А все-таки он будет моим!» Она расставляла обольстительные сети со свойственной ей изобретательностью и артистизмом, стараясь сделать так, чтобы как можно чаще и как будто бы случайно попадаться на глаза наследнику. Мале понравилось совершать ежедневные прогулки в кабриолете с кучером. Наследник выезжал на прогулку в то же время, что и Кшесинская, и их экипажи встречались на набережной. Виделись они, естественно, только издали, но такие встречи превратились для них в особый ритуал. Какая бы ни была погода – а в Петербурге сырой ветер и туман не редкость, – Маля выезжала на набережную. От воды тянуло сыростью, и в результате у нее вскочил огромный чирей на ноге и ячмень на глазу. Пришлось прикрыть глаз повязкой и выезжать в таком виде – Малю это не останавливало. Но от сильного ветра глаз совсем разболелся, и Кшесинская вынуждена была прекратить прогулки.

…В тот вечер она сидела дома в полном одиночестве. У них с сестрой в родительском доме была собственная половина со спальней и нарядной гостиной. Неожиданно в прихожей раздался звонок. Горничная пошла открывать.

– К вам военный, гусар Волков, – доложила она Матильде. – Прикажете принять?

Матильда обрадовалась этому визиту. Наверное, с каким-то поручением от наследника.

– Пригласи его в гостиную, – распорядилась Маля, поправляя повязку на глазу.

Каково же было ее удивление и восторг, когда в гостиную вместо Волкова вошел наследник собственной персоной! В первую минуту Маля смутилась, ведь наследник был так близко, и вокруг, как обычно, не толпились люди.

«Я не верила своим глазам, вернее одному своему глазу, – вспоминала Кшесинская. – Эта нежданная встреча была такая чудесная, такая счастливая. Оставался он в тот первый раз недолго, но мы были одни и могли свободно поговорить. Я так мечтала с ним встретиться, и это случилось так внезапно…»

На следующий день от наследника принесли записку: «Надеюсь, что глазок и ножка поправляются… до сих пор хожу, как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники».

Первая записка от наследника произвела на Матильду огромное впечатление. Она перечитывала ее сотни раз и выучила наизусть. Теперь он стал писать ей почти каждый день. В одной

из записок были слова Германна из «Пиковой дамы»: «Прости, небесное созданье, что я нарушил твой покой». Цитата не была случайной – Николай очень любил танцевальную сцену в первом акте этой оперы, где Кшесинская выступала в роли пастушки в белом парике. В другой записке он сослался на Гоголя: «Думай о том, что сделал Андрий, обожая молодую панночку». А что сделал Андрий? Забыл обо всем на свете: об отце, о друзьях, о родине…

Драгоценности Матильды Кшесинской

«Перед отъездом в Лондон мой большой друг Агатон Фаберже, сын знаменитого ювелира, посоветовал мне не брать драгоценности с собой в дорогу, а доверить перевозку его фирме, которая доставит их в лондонский магазин, где они будут храниться до моего приезда. Так я и поступила. Были составлены два экземпляра списка: один для меня, а второй – для фирмы Фаберже. По приезде в Лондон[6] я договорилась с Фаберже, что драгоценности останутся на хранении в его магазине, а я буду накануне, чтобы никто не подслушал, сообщать номера украшений, которые мне понадобятся вечером. В назначенный час являлся специальный агент от Фаберже и приносил необходимые украшения в мою театральную уборную, где и оставался, охраняя их до конца спектакля, так как в это время все находились на сцене, и для воровства было самое подходящее время.

После представления агент увозил все в магазин и клал в сейф».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Проложив дорогу к дому Кшесинских, наследник зачастил с визитами. Приезды наследника престола к известной балерине ни для кого тайной не были – за цесаревичем следили сотни глаз, хотя он уходил от Мали пешком и инкогнито, грозя, что набьет морду пытавшимся сопровождать его жандармам. Случалось, и беспокоили – раз вломился сам градоначальник, сказал, что государь спешно требует сына к себе в Аничков дворец. Императрица Мария Федоровна вначале была противницей сближения сына с балериной и даже через посредников передала господину Кшесинскому просьбу отказать Николаю от дома, но потом-таки сжалилась…

Из дневника наследника престола за 1892 год

«1 апреля… Весьма странное явление, которое я в себе замечаю: я никогда не думал, что два одинаковых чувства, две любви одновременно совместились в душе.

Теперь уже пошел четвертый год, что я люблю Аликс Г. и постоянно лелею мысль, если Бог даст, на ней когда-нибудь жениться… А с лагеря 1890 г. по сие время я страстно полюбил (платонически) маленькую К. Удивительная вещь наше сердце. Вместе с тем я не перестаю думать об Аликс, право, можно было заключить после этого, что я очень влюбчив. До известной степени да! Но я должен прибавить, что внутри я строгий судья и до крайности разборчив».

Приезжал Ники чаще всего не один, а в компании своих молодых двоюродных дядей, великих князей Михайловичей – Георгия, Александра и Сергея. Захватывал с собой и друзей-однополчан – Пику и Пепу, как их звали в шутку: князя Петра Павловича Голицына и гусарского офицера Котляревского. В отношениях наследника и Матильды Котляревский и Голицын нередко выступали в роли посыльных и передавали балерине роскошные букеты от Николая. Их называли адъютантами Кшесинской, а ее они называли своим ангелом. Сестра Мали Юлия тоже часто присоединялась к веселой компании. Михайловичи чудесно пели грузинские песни, ведь их отец, великий князь Михаил Николаевич, 20 лет был наместником на Кавказе.

Летели дни, полные случайных и не случайных встреч, любовных взглядов, улыбок, нежных касаний. То они в Михайловском манеже, где у Кшесинской была ложа прямо напротив царской, на конных состязаниях увидятся. То на параде кавалерийского полка по случаю полкового торжества Николай бросит на Матильду пристальный, полный любви взгляд. В летний сезон в Красносельском театре возобновились разговоры на репетициях и визиты в гримуборную балерины. Была и ночная поездка на царской тройке с бубенцами по Красному Селу, и веселая вечеринка в палатке служившего в Преображенском полку барона Зедделера, который ухаживал за сестрой Матильды Юлией и впоследствии на ней женился. Николай преподносил балерине самые дорогие украшения, которые только мог найти. Первым подарком стал золотой браслет с крупными сапфирами и

двумя бриллиантами, на котором были выгравированы две даты – 1890 и 1892 – год первой встречи и год первого приезда к ней домой.

На сцену Кшесинская выходила вся в драгоценных камнях изумительной красоты, даже если играла роль нищенки. Она не признавала театральной бижутерии, все ее украшения были настоящими, от знаменитой ювелирной фирмы Фаберже. Жемчужный кокошник и бусы в «Русской», бриллиантовая диадема с шестью крупными сапфирами в «Дочери фараона», лиф из цветных жемчужин в «Талисмане», украшенный драгоценными камнями пояс в «Эсмеральде», платиновые кольца и браслеты на руках Эвники в балете Михаила Фокина… Она блистала и в прямом, и в переносном смысле, а виртуозный ее танец искрился и играл, как шампанское…

Неизменными зрителями на спектаклях с участием Кшесинской были наследник и великие князья, не пропускавшие ни одного ее выступления. О романе балерины и наследника заговорили в обществе – кто осуждал, кто завидовал, – но их отношения все еще оставались платоническими, а Мале так хотелось большего… Но где принимать такого высокого гостя? Не в театральной же гримерке! У Мали, воспитанной строго, и мысли не возникало, чтобы сблизиться с наследником в родительском доме, и он, как человек деликатный, на этом не настаивал. А у него уже давно было еще одно сердечное увлечение, о котором он, не таясь и с полным доверием, рассказывал Матильде при встречах наедине, зачитывая записи из своего дневника.

Принцесса Алиса Гессенская

Аликс Г., неоднократно упоминавшаяся наследником в дневнике, – Алиса Гессенская, дочь великого герцога Гессен-

Дармштадтского Людвига IV, троюродная сестра Николая, внучка английской королевы Виктории. Впервые Николай и Алиса, которой тогда было 12 лет, увиделись в Петербурге на свадьбе великого князя Сергея Александровича и сестры Алисы, принцессы Элеоноры, ставшей после принятия православия великой княгиней Елизаветой Федоровной. Потом она приезжала в Петербург пять лет спустя, и после ее отъезда между молодыми людьми завязалась оживленная, но тайная переписка – императорская семья пока не одобряла увлечение наследника. В жены ему предназначали представительницу французской династии – принцессу Орлеанского дома Елену. Однако Николай все больше влюблялся в Алису…

Наследник много говорил Матильде о его будущей женитьбе и их неизбежной разлуке, зачитывал фрагменты из дневника, где писал о его переживаниях и чувствах к Алисе и Матильде. Кшесинская не сомневалась, что он был ею очарован и дорожил их встречами. Он любил ее, но – и Алису тоже… Алиса все больше и больше ему нравилась, и он решил сделать ее своей избранницей, если на это согласятся его родители. Матильда была и благодарна Николаю за чистосердечие, и не хотела верить, что все-таки этот неизбежный момент настанет, но он настал… Терять любимого человека было невыносимо тяжело…

Трудный разговор с отцом

В тот раз наследник вернулся из-за границы ни с чем – Алиса пока не дала согласия на переход в православие, что было обязательным условием женитьбы. У Матильды отлегло от сердца… Надолго ли? Об этом ей не хотелось думать. Их с Ники все сильнее тянуло друг к другу, и с этим надо было что-то делать. Веселая, жизнерадостная Матильда, пикантная брюнетка, обожавшая посмеяться и пошутить, гармонично дополняла флегматичного, сдержанного, немного вялого наследника.

…Матильда стояла у двери в кабинет отца, не решаясь войти. Как сказать ему, что она решила покинуть родительский дом и жить самостоятельно? Для него это будет ударом. Как он, строгий и принципиальный в вопросах морали, узнает о том, что она намерена сделать? Как начать этот трудный разговор? Причинить боль горячо любимому отцу? Матильда не в силах была взяться за ручку двери. Выручила сестра – вошла решительно и все рассказала отцу. Феликс Иванович побледнел.

Нерешительность наследника

«Ники меня поразил. Передо мной сидел не влюбленный в меня, а какой-то нерешительный, не понимающий блаженства любви. Летом он сам неоднократно в письмах и разговоре напоминал насчет близкого знакомства, а теперь вдруг заговорил совершенно обратное, что не может быть у меня первым, что это будет мучить его всю жизнь… Он не может быть первым! Смешно! Разве человек, который действительно любит страстно, станет так говорить? Конечно нет, он боится просто быть тогда связанным со мной на всю жизнь, раз он будет у меня… в конце концов мне удалось почти убедить Ники. Он обещал, что это совершится… как только он вернется из Берлина…»

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

– Отдаешь ли ты себе отчет, что никогда не выйдешь замуж за наследника престола? – Отец сдерживался, но было видно, что каждое слово причиняло ему страдание. – Что вам неизбежно придется расстаться?

Матильда ответила, что все прекрасно понимает, но… «Я люблю Ники всем сердцем и не желаю знать, что ждет меня впереди, – добавила она. – Я просто хочу познать счастье, пусть и не долгое, раз такова моя судьба».

Отцу пришлось согласиться, но с условием, что вместе с Малей будет жить ее сестра Юлия. Это решение далось ему с большим трудом. Матильде же было больно сознавать, что она поступила с отцом так жестоко. И хотя ей было немного грустно оттого, что покидает родительское гнездо, где прошло столько счастливых дней, с ее души словно камень свалился после этого тяжелого объяснения. Ее захватили мечты о новой счастливой жизни. Она действовала по велению своего сердца, вся поглощенная предвкушением встреч с Ники, и не хотела думать ни о чем другом.

В поисках жилья Матильда остановила свой выбор на особняке, расположенном на Английской набережной. Он понравился ей больше других – уютный, чем-то похожий на маленький дворец, и она его сняла. По иронии судьбы оказалось, что в свое время этот особняк построил великий князь Константин Николаевич для своей любовницы, балерины Кузнецовой. Потом особняк купил у князя Римский-Корсаков. А теперь здесь обустраивалось уютное гнездышко для романтических свиданий с наследником. Матильда переделала только спальню на первом этаже – дом был двухэтажный, а все остальное оставила без изменений. Электричества тогда еще не было, и комнаты освещались керосиновыми лампами всех форм и размеров. Для приема наследника все было готово. А он, деликатный, осторожный и нерешительный, вдруг как-то оробел…

Новоселье в особняке на Английской набережной

Сестры Кшесинские отпраздновали пышное новоселье в особняке на Английской набережной. Шампанское лилось рекой, Матильду завалили подарками. Наследник подарил ей восемь рюмок для водки, украшенных драгоценными камнями, и свою фотографию с надписью «Моей дорогой пани». Теперь для свиданий влюбленных не было никаких препятствий, но тень скорой и неизбежной разлуки уже нависла над Малей… В глубине души она все же лелеяла надежду: а вдруг помолвка с Алисой не состоится? И совсем уже невероятной казалась надежда на то, что когда-нибудь найдутся исчезнувшие бумаги графов Красинских, подтверждающие ее высокое происхождение. Это была бы уже совсем другая история…

Первая главная роль

Плещеев так отзывался о смелости Кшесинской, которая заменила итальянку Карлотту Брианца: «Ее танец проникнут очарованием молодости и свидетельствует о большом таланте и решительном характере. Давно ли появилась мадемуазель Кшесинская-вторая на сцене и давно ли мы обсуждали ее дебют? И вот теперь она отважилась выступить вместо самой госпожи Брианца. Смелость прелестной танцовщицы вызывает восхищение. …Несмотря на трудности, связанные с техникой, мадемуазель Кшесинская великолепно исполнила все танцы, в которых блистала итальянская балерина. Несомненно, мэтр Чекетти сыграл огромную роль в успехе молодой танцовщицы. Мадемуазель Кшесинская это понимает и потому расцеловала Чекетти на глазах у публики».

М. Кшесинская в балете «Калькабрино»

Успехи на сцене

Она старалась заглушать тревожные предчувствия, занимаясь своей карьерой. В сезоне 1892/93 г. Кшесинская исполнила свою первую главную партию – в балете «Калькабрино» в постановке Мариуса Петипа, заменив виртуозную итальянку Карлотту Брианца, которая неожиданно покинула сцену. Такой шаг требовал отваги, но Матильда была отважной балериной и обожала одерживать победы. Это негласное состязание она с блеском выиграла. Быстрые, отточенные движения, дерзкая манера их подачи, неподражаемый апломб… Критика не скупилась на похвалы, а балетоманы осыпали новую звезду комплиментами.

А самым значительным событием сезона стало для Кшесинской выступление в роли принцессы Авроры в «Спящей красавице» Чайковского. Успех был ошеломляющим. Сам Петр Ильич, очарованный ее танцем, пришел в гримуборную балерины и выразил желание написать для нее балет. Но этому плану не суждено было осуществиться – 25 октября 1893 г. великий композитор скончался от холеры.

Разбитое сердце

В воспоминаниях Матильды Кшесинской читаем: «Я вернулась в город, в свой пустой и осиротевший дом. Мне казалось, что жизнь кончилась и впереди не будет ничего, кроме боли и горечи. Я знала, что есть люди, которые будут мне сочувствовать, но найдутся и такие, которые только порадуются моему горю. Я не хотела ничьей жалости, а к встрече с недоброжелателями нужно было достойно подготовиться и собраться с мыслями. Но эти мысли пришли уже потом, а пока было только немое отчаяние и безграничная тоска по моему Ники, которого я навеки потеряла. Не могу передать того, что я чувствовала, представляя его с невестой. Закончилась счастливая весна моей молодости, начиналась новая суровая жизнь, в которую я вступала с так рано разбитым сердцем».

Помолвка наследника престола

И все же день, которого так боялась Матильда, наступил. 7 апреля 1894 г. было объявлено о помолвке наследника престола с Алисой, принцессой Гессен-Дармштадтской. Незадолго до этого, в январе, Матильда с наследником, сестрой и бароном Зедделером отмечали другую помолвку – великой княгини Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем. Веселились, пили шампанское прямо на полу спальни…

После помолвки Николай сразу же рассказал невесте о своих отношениях с Кшесинской, и Алиса простила его в письме: «Что прошло, то прошло и никогда не вернется. Все мы в этом мире окружены соблазнами, а когда мы молоды, то не всегда можем бороться, чтобы устоять перед искушением… Я люблю тебя даже сильнее с тех пор, как ты рассказал мне эту историю. Твое доверие так глубоко трогает меня… Смогу ли я быть его достойной?..»

Матильде шел только 22-й год, а роман с наследником уже остался в прошлом… Выдержанная и стойкая, она отпустила царственного возлюбленного без единой жалобы или вздоха, ни в чем его не упрекнув…

Вскоре после возвращения Николая император Александр III скончался от воспаления почек. А уже через неделю после похорон, 15 ноября 1894 г., Николай вступил в брак с Александрой Федоровной, немецкой принцессой Алисой, принявшей православие, и в связи с этим траур был отложен на год. Мале казалось, что счастье ушло навсегда и жить больше не стоит…

Во время бракосочетания Николая и Александры Федоровны Матильда пережила ужасные страдания, представляя себе события во дворце, стараясь заглушить чувство ревности и смотреть на ту женщину, которая отняла у нее Ники, как на государыню и императрицу. Ей пришлось собрать все свои силы, чтобы не сломаться под тяжестью обрушившегося на нее горя и достойно принять все, что ей было предназначено судьбой. Она заперлась в своем доме, и единственным ее развлечением стали санные прогулки по городу, где она встречалась с близкими знакомыми. Великий князь Сергей Михайлович, дядя Николая, давно влюбленный в балерину, изо всех сил старался развлечь Матильду и хотя бы чем-нибудь ее порадовать. Он ни в чем ей не отказывал и даже пытался угадать ее желания. Однако ни великий князь, ни кто-то другой не могли заменить ей ее Ники.

На людях она старалась выглядеть веселой и беззаботной, но, оставшись одна, снова и снова переживала утрату своей первой любви…

Прощание

…По возвращении из Кобурга, где состоялась помолвка, в один из дней Ники назначил Мале прощальное свидание на пустынном Волконском шоссе, у стоявшего на обочине сарая с сеном. Более неподходящей обстановки было трудно себе представить. Ники приехал верхом, Маля – в своем экипаже. Они говорили сбивчиво, невпопад и совсем не о том, о чем хотели сказать. Очень многое осталось невысказанным, но все равно изменить уже ничего было нельзя. Ники уехал обратно на полигон, а Маля долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Она не плакала, но ее сердце разрывалось от горя.

А он все оглядывался и оглядывался…

Глава 3. Звезда империи

Высокое покровительство

«Как бы ни сложилась моя дальнейшая судьба, встреча с тобой навсегда останется для меня самым прекрасным воспоминанием молодости», – писал наследник в своем последнем письме к любимой. Со времени помолвки с Алисой Николай больше ни разу не приезжал к Матильде. Однако подарил ей тот особняк на Английской набережной, где некогда цвела их любовь, разрешил ей обращаться к нему в письмах на «ты» и обещал помогать ей во всем, если ей потребуется помощь. И этим высоким покровительством в своей балетной карьере Матильда пользовалась – это было ее неоспоримым правом, – но не столь уж часто. Она вела себя достойно. Не капризничала по пустякам, не скандалила на пустом месте, но ущемить свои права, унизить достоинство, отодвинуть на второй план никому не позволяла. Всю жизнь она чувствовала на себе заботу Ники, много раз он оказывал Матильде неоценимую помощь, когда ее стремились уничтожить в театральных интригах. Она пользовалась высочайшей поддержкой, но лишь для того, чтобы блеснуть своим талантом. И можно ли ее за это осуждать?

Коронация нового императора была назначена на май 1896 г. Приближались коронационные торжества, Императорский театр распределял роли для предстоящего парадного спектакля в Москве, а ей никакой роли в новом балете Р. Дриго «Жемчужина», где главную роль получила итальянка Пьерина Леньяни, не предложили вовсе. Напрасно она снова и снова внимательно читала приказ дирекции – ее фамилии там не значилось. Матильда восприняла это как прямое оскорбление перед лицом всей труппы – ведь к тому времени она была уже сложившейся балериной с серьезным репертуаром.

Что же предприняла Кшесинская? В полном отчаянии она бросилась к великому князю Владимиру Александровичу за помощью, так как он всегда сердечно к ней относился. Как и что, собственно, сделал великий князь, балерина не знала, но результат не замедлил последовать. Хотя балет был полностью готов, а все роли отрепетированы, Дриго пришлось дополнительно написать музыку, а Петипа – поставить специально для Кшесинской па-де-де Желтой Жемчужины, так как роли Белой, Черной и Розовой Жемчужин были уже отданы другим балеринам. Вдохновенный, пленительный танец Матильды украсил весь спектакль. Справедливость восторжествовала, и она увидела, что после своей женитьбы и двух лет разлуки Ники исполнил ее желание и защитил ее.

Спектакль в честь коронации

«Дирекция Императорских театров получила приказ свыше, чтобы я участвовала в парадном спектакле на коронации в Москве. Моя честь была восстановлена, и я была счастлива, так как я знала, что это Ники лично для меня сделал, без его ведома и согласия Дирекция своего прежнего решения не переменила бы… Я убедилась, что наша встреча с ним не была для него мимолетным увлечением и он в своем благородном сердце сохранил уголок для меня на всю свою жизнь…» – вспоминала Матильда Кшесинская.

М. Кшесинская – Маркиза

К атмосфере всеобщей радости, в которой проходили коронационные торжества, Матильда осталась безучастной. Она

наблюдала за торжественным въездом императорского кортежа в столицу из окна гостиницы, но ее глаза то и дело застилали слезы. А зрелище в самом деле было грандиозным. Гвардейские кавалерийские части, представители азиатских народов в национальных костюмах, делегации казачьих войск, знатные дворяне, император на белом коне, роскошные кареты членов императорской семьи и знатных иностранных гостей… Город был расцвечен иллюминацией. А когда молодой императрице подали цветы на золотом подносе, вспыхнула тысячами огней колокольня Ивана Великого, а за ней и вся Москва.

После гала-представления по случаю коронации Кшесинская с огромным успехом танцевала в Москве. Московские балетоманы дарили ей множество букетов, а как-то раз преподнесли серебряную корзину с цветами.

Личная просьба

В сезоне 1896/97 г. Николай II и Александра Федоровна приходили на балетные спектакли почти каждое воскресенье. Но они не видели Кшесинскую – дирекция всегда ставила выступления балерины на среду, когда императорской семьи в театре не было. Случайное совпадение или так поступали умышленно? Кшесинской все это казалось обидным и несправедливым. И вот, наконец, дирекция поставила ее спектакль «Спящая красавица» на воскресенье, но при этом уговорила императора поехать не на балет, а в Михайловский театр посмотреть французскую пьесу. Новости среди артистов распространяются с молниеносной быстротой, и Матильда сразу же узнала об этом. Это было уже слишком! И тогда она впервые воспользовалась позволением Николая обратиться к нему лично. Она написала о том, что происходит в театре, и добавила, что в такой обстановке не считает для себя возможным продолжать выступать на императорской сцене. Письмо императору передал лично в руки великий князь Сергей Михайлович, но ответа не было.

В день спектакля артисты недовольно ворчали, что император и в самом деле не бывает в театре, когда танцует Кшесинская, и из-за нее они не видят государя. Все было готово к началу, оркестранты заняли свои места и начали настраивать инструменты, но царская ложа по-прежнему оставалась пустой. Публика загрустила. Ждали только последнего сигнала, чтобы поднять занавес. И вдруг в зале начался переполох: «Император приехал!» Разве мог он не приехать, если его попросила Маля, его первая любовь? Матильда ликовала, и спектакль прошел на небывалом подъеме. Артистам она сказала, что знала заранее о приезде императора, но умышленно молчала. Враги приуныли…

Новый скандал

Другой крупный скандал был связан с костюмом для балета «Камарго», который Сен-Жорж и Петипа поставили в стиле Людовика XV. Пьерина Леньяни, царившая на сцене Мариинского театра до Кшесинской, танцевала русский танец в этом балете в платье, сделанном по образцу костюма Екатерины II, хранящегося в Эрмитаже, – с широкой юбкой с фижмами, приподнимавшими подол по бокам. Кшесинская видела итальянку в этом балете и заметила, что фижмы мешали ей двигаться. Кшесинской при ее маленьком росте такой фасон был противопоказан. Кроме того, в костюме с фижмами балерина не смогла бы танцевать так, как ей хотелось, а ведь русский танец полон нюансов, которые и определяют его красоту. Кшесинская заявила, что не будет надевать фижмы, так как чувствовала себя ответственной за успех балета и знала, что ей подходит, а что – нет. Заявление балерины передали тогдашнему директору Императорских театров, князю Сергею Михайловичу Волконскому, но, вероятно, это было сделано в требовательной форме и представлено, как ничем не обоснованный каприз прима-балерины. Волконский не уважил просьбу балерины, а категорически настаивал на неизменности костюма. Весть об этом затянувшемся споре разнеслась среди публики.

На премьере «Камарго» 15 апреля 1901 г. весь зал гадал, наденет ли Кшесинская фижмы. Она не надела. За это на нее был наложен штраф. Объявление повесили на доске в холле театра. Штраф был таким маленьким и несоизмеримым с жалованьем и положением балерины, что ей стало ясно: ее хотели не наказать, а унизить. А она считала, что этого не заслужила: как и все артисты Императорских театров, она с должным уважением относилась к распоряжениям руководства, никогда не опаздывала и всегда приезжала в театр одной из первых. Но когда задевали ее достоинство, приходилось обороняться всеми возможными способами. И такой верный способ, в отличие от других, у нее был – обещание, данное ей Николаем. Оскорбленная Кшесинская обратилась к императору с просьбой, чтобы с нее сняли штраф таким же образом, как и наложили – по распоряжению директора. На следующий же день на этой доске появилось новое объявление – об отмене штрафа, а Волконский, человек независимый и занимавший престижное место в обществе, вынужден был подать в отставку. Его заслуженно очень любили, и общество с негодованием восприняло неуважение, проявленное по отношению к Волконскому. В театре стали происходить

враждебные манифестации, направленные против Кшесинской, – дорого она заплатила за свой кратковременный триумф.

Следующим директором был назначен бывший кавалерийский полковник Владимир Теляковский. Он ни разу не решился открыто спорить с Матильдой Феликсовной, но терпеть ее не мог, и в своих мемуарах оставил о ней очень нелицеприятные воспоминания, называя наглой, нахальной, циничной. Словом, «чертовой полячкой». Но пусть это останется на его совести…

Снова Романов

Окружил заботой Матильду и великий князь Сергей, которого Николай попросил приглядывать за балериной. Быть рядом с Кшесинской и не потерять от нее голову было невозможно – настолько сильна была ее женская привлекательность. Она играла на сильных сторонах и слабостях мужчин – и всегда выигрывала. Великий князь влюбился в Кшесинскую без памяти и бросил к ее ногам все свое состояние. О том, что ему суждено на 20 лет стать ее верным пажом и тенью, что из-за нее он так и не обзаведется семьей и будет рад отдать ей все (в том числе и свое имя ее сыну), а она предпочтет ему другого, Сергей Михайлович тогда и не подозревал… Ведь балерина ответила на его любовь. Снова Романов? Что ж, своим привязанностям к правящему дому Кшесинская была верна и на всю жизнь сохранила благоговейный пиетет по отношению к царской семье…

«…Я искренне его полюбила»

«В моем горе и отчаянии я не осталась одинокой. Великий князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, когда наследник впервые привез его ко мне, остался при мне и поддержал меня. Никогда я не испытывала к нему чувства, которое можно было бы сравнить с моим чувством к Ники, но всем своим отношением он завоевал мое сердце, и я искренне его полюбила».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Великий князь Сергей Михайлович

День рождения

«Самый грандиозный и удачный <день рождения> был в 1911 г. Было много сюрпризов и разных развлечений. Для этого вечера я заказала большие афиши, какие обычно вывешивают повсюду по случаю какого-нибудь праздника, на который хотят привлечь публику соблазнительными приманками… А после вечера на станцию «Стрельна» будет подан экстренный поезд для гостей, которые пожелают вернуться обратно в Петербург… Вечер продолжался до самого утра, он на славу удался, все были довольны… Ужин был для этого вечера накрыт на открытом воздухе, на дамбе на берегу моря, почему и назван «У Фелисьена», по имени известного ресторана у воды. Вся дорожка от дач и до дамбы была иллюминирована плошками. Столики освещались специальными садовыми фонарями со свечками… Ужин очень удался своей оригинальностью и красотой панорамы: с одной стороны виднелись огни Петербурга, а с другой – Кронштадта, а прямо напротив – огни Пахты… в заключение… был сожжен чудный фейерверк от Серебрякова».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Никто из возлюбленных Матильды не был так щедр, как Сергей. Он занимал весьма выгодный пост генерала-инспектора артиллерии, и с ним балерина жила на широкую ногу. Он осыпал ее драгоценностями и в своей щедрости хотел превзойти самого императора. Сергей купил Матильде дачу в Стрельне, самом модном месте великосветского отдыха. Дача была снабжена собственной электростанцией. Даже во дворце не было электрического освещения, а у Кшесинской было! Оно не только делало дачу более комфортабельной, но и придавало ей особую привлекательность.

В день своего рождения 19 августа балерина устраивала на своей даче грандиозные праздники, на которые собирался весь цвет Петербурга. А уж принять гостей она умела и делала это с радушием и блеском. В искусстве светских приемов балерина была на недосягаемой высоте. Доброжелательная и открытая, она уделяла внимание каждому гостю, тем самым помогая ему ощутить свою ценность и значимость. Для каждого у нее находилось теплое слово, комплимент или лучезарная улыбка. Прима императорской сцены в общении была очень проста. Окружала заботой молодых балерин, приглашала их в гости в свой особняк и на дачу. У нее вечно кто-то гостил, проводил выходные и праздники.

Как-то раз Матильда пригласила на дачу в Стрельну молодую балерину Тамару Карсавину, первый сезон служившую на императорской сцене. С самого начала прима проявляла к ней большую доброту. Зная, что гардероб Карсавиной небогат, и чтобы не ставить ее в неловкое положение, Кшесинская написала ей: «Не трудись брать с собой нарядные платья, у нас здесь по-деревенски. Я пришлю за тобой». Но поскольку молодая балерина не знала в лицо секретаря Кшесинской, Матильда Феликсовна не сочла за труд лично приехать за гостьей на станцию. Когда в 1950 г. Кшесинская оказалась в Лондоне, ей в гостиницу каждый день присылали цветы. Среди них непременно был букет сирени от Тамары Карсавиной. Кшесинская очень любила сирень, потому что она напоминала ей о потерянной навсегда России…

Великий князь Сергей Михайлович, опекавший Матильду, по своему положению не имел возможности находиться при ней постоянно. Чтобы балерина не скучала, досуг ее занимали то молодой дипломат Стас Поклевский («Подарил мне чучело убитого им медведя, а кроме того – механическое пианино»), то гусар Николай Скалон («На память о нем у меня остались часы для ношения в петлице – миниатюрный циферблат, окруженный бриллиантами»), то улан Митусов, то великий князь Владимир Александрович («На Пасху он прислал мне огромное яйцо из ландышей с привязанным к нему драгоценным яичком от Фаберже»)… Она не знала недостатка в поклонниках. Ее окружение блистало титулами и званиями. Одни рвались в ее плен сами, других она улавливала в искусно расставленные сети. «У него, – писала она об очередном «плененном», – была связь с графиней Х., о которой все в городе знали. Я пустила в ход все свое кокетство, чтобы заставить увлечься мною, и этого достигла».

Мимолетная встреча в Стрельне

Как-то раз летом, когда Матильда жила на своей даче в Стрельне, император передал ей через великого князя Сергея Михайловича, что в такой-то день и час будет проезжать с императрицей мимо ее дачи, и попросил, чтобы балерина была в саду, чтобы он смог ее увидеть. Балерина выбрала скамейку, которая была хорошо заметна со стороны дороги. В назначенный час Николай с Александрой Федоровной действительно проследовал мимо дачи Кшесинской и увидел Матильду,

которая отвесила им низкий поклон, любезно принятый венценосной четой. Император не скрывал своего отношения к балерине и открыто выражал ей свою симпатию. Ну а Матильда продолжала его любить…

Бенефис

Ей легко удавалось завоевывать даже строгих государственных мужей. Свой 10-летний юбилей пребывания на императорской сцене Кшесинская решила отметить бенефисом. Но бенефис полагался артисту по истечении 20-летнего срока службы в театре. За разрешением на бенефис она обратилась не к директору, а попросила аудиенцию у министра императорского двора барона Фредерикса, который относился к балерине с большой симпатией. А как еще иначе относиться к любимице Романовых? Собираясь на прием, она тщательно обдумала свой туалет: шерстяное платье светло-серого цвета, плотно облегающее соблазнительную фигуру, и того же цвета треугольная шляпа. Заранее приготовила неожиданный комплимент: «Только благодаря вам я виртуозно исполняю 32 фуэте…» Министр пришел в недоумение: «Как? А я-то тут при чем? – Все очень просто: чтобы выполнить фуэте, не сходя с места, надо иметь перед собой ясно видимую точку при каждом повороте, и так как вы обычно сидите в самом центре партера, в первом ряду, то даже в полутемном зале на вашей груди ярко выделяются своим блеском ордена…» Польщенный министр любезно проводил ее до двери и обещал передать ее просьбу государю, дав понять, что отказа ей не будет. Разумеется, Кшесинская получила разрешение на бенефис и снова была этим обязана своему незабвенному Ники. Для бенефиса она выбрала воскресенье, 13 февраля 1900 года, счастливое для себя число.

В день бенефиса артист получал «царский подарок» – какую-то простенькую вещь из золота или серебра, обязательно с царским орлом или короной. Мужчинам, как правило, дарили золотые часы. Матильду не устраивал такой стандартный подарок, и она попросила великого князя Сергея Михайловича, чтобы ей на бенефис подарили что-нибудь оригинальное. И действительно, в день бенефиса директор Императорских театров князь Волконский принес в артистическую уборную балерины великолепную брошь в виде свернувшейся клубком бриллиантовой змеи с крупным сапфиром посередине. Через Сергея Михайловича Николай передал Матильде, что эту брошь они выбирали вместе с супругой и что змея является символом мудрости.

Для бенефиса были выбраны балеты «Времена года» Глазунова и «Арлекинада» Р. Дриго, а в завершение вечера Кшесинская выступила в дивертисменте. Успех представления затмил, по словам современников, самые памятные торжества

подобного рода. Восторгам публики – а на бенефис собрался весь Петербург – не было конца. Балерину завалили цветами и подарками. Было много цветов от великих князей и, конечно же, роскошный подарок от Сергея Михайловича. Корзины и букеты погрузили на открытые подводы и доставили в дом балерины. А ее саму многочисленные поклонники в кресле на руках донесли до экипажа под крики «Браво!» и «Ура!». Среди подарков Кшесинская особо отметила юбилейный альбом, изданный двумя поклонниками, скрывшимися за инициалами, который содержал множество фотографий, статей и рецензий о творчестве балерины. Позже подобный альбом она получила уже за границей и использовала его при написании мемуаров. Они вышли в 1960 г. одновременно в Париже и Лондоне на французском и английском языках. Оригинал книги на русском языке Матильда Феликсовна послала диппочтой на адрес директора музея П. И. Чайковского, который послания почему-то не получил, а через год после смерти балерины ее рукопись неожиданно обнаружилась в Ленинской библиотеке, в отделе под удачным для балерины номером 13. Издали же ее в России лишь 20 лет спустя, в 1992 г.

Великий князь Андрей

…Через несколько дней после юбилейного спектакля Кшесинской, состоявшегося 13 февраля 1900 г., балерина давала обед у себя дома, как всегда изысканный. На обед Кшесинская пригласила великих князей Кирилла и Бориса Владимировичей, которые и прежде бывали у нее. С ними приехал и их третий брат – великий князь Андрей Владимирович. Он сел по левую руку от Кшесинской, а место во главе стола по праву хозяина занимал великий князь Сергей.

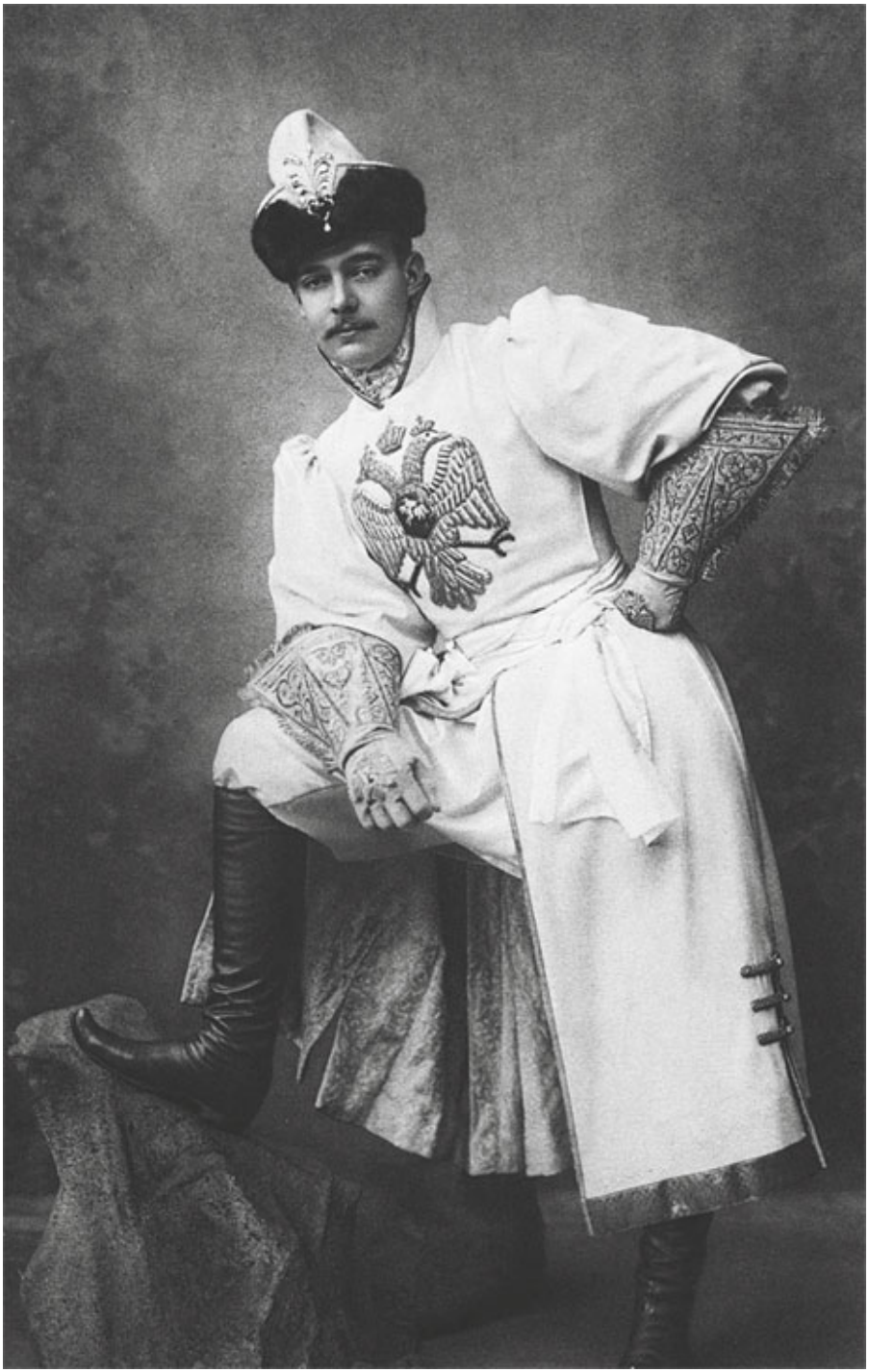
В первый же вечер великий князь Андрей произвел на балерину огромное впечатление. Он был на удивление хорош собой и очень робок, что, впрочем, совсем его не портило. Во время обеда он нечаянно задел рукавом бокал с красным вином, которое вылилось на платье хозяйки. Но Матильда ничуть не огорчилась из-за испорченного дорогого платья и сочла это за добрый знак, суливший много счастья в дальнейшей жизни.

Так и произошло – всю жизнь князь Андрей любил Матильду нежно и преданно. А она отвечала ему взаимностью. Союзу с этим Романовым, младше балерины на шесть лет, суждена была долгая жизнь и законный брак. Но это случится не скоро. Андрей медлил с предложением руки и сердца, не желая ослушаться матери, великой княгини Марии Павловны, которая категорически не одобряла увлечения своего сына балериной, пусть даже такой знаменитой, и ревновала ее к своему мужу, великому князю Владимиру Александровичу, тайный роман с которым молва тоже приписывала Кшесинской. Медлил целых 20 лет!

Роман разгорелся тем же летом. Великий князь Андрей служил в Красном Селе. Путь в Северную столицу лежал через Стрельну, и дача Кшесинской была идеальным местом для встреч влюбленных. Одну из них, 22 июля, они потом стали ежегодно праздновать как день свадьбы.

В Петербурге влюбленным приходилось держать свои отношения в секрете, скрывая новую любовь, прежде всего от великого князя Сергея Михайловича. Матильда опять могла себе позволить всего лишь «случайную» – мимолетную – встречу на Невском, как бы невзначай покидая театр в момент проезда кортежа князя Андрея. Так же она попрощалась с любимым невинным взглядом в день его отъезда с официальным визитом в Крым, чтобы через две недели встретиться за границей, в Биаррице и Париже. Другую счастливую осень, в первый год нового, XX столетия, они провели в Италии, опять же тайно встретившись в Венеции. Хотя конспирацией это назвать было

сложно – за князем неотлучно следовал его адъютант (по словам Кшесинской, человек очень милый и симпатичный), каждый шаг сиятельной персоны без особых церемоний отслеживала местная полиция, а при переезде в Ассизи их и вовсе сопровождал конный отряд карабинеров. В этой ситуации Кшесинской оставалось только одно – превращать неудобства в повод для шуток, что она и делала со свойственным ей чувством юмора, никогда ее не подводившим.



Великий князь Андрей на костюмированном балу

Во время поездки с великим князем Андреем в Италию Матильда поняла, что беременна, и следующий балетный сезон

пришлось закончить раньше срока. Она умудрялась танцевать и на шестом месяце беременности, хотя в профиль скрыть изменения в располневшей фигуре было уже невозможно. Репетируя перед спектаклем в Эрмитажном театре Зимнего дворца, она постаралась тщательно обдумать каждый поворот и каждую позу, чтобы царская чета, сидевшая в первом ряду, ничего не заметила. С середины февраля Кшесинская передала свои партии новым восходящим звездам Анне Павловой и Тамаре Карсавиной.

«…Я влюблялась все сильнее»

«После первой встречи с великим князем Андреем мы стали видеться все чаще, и наши отношения быстро переросли в большую любовь. Я снова начала вести дневник, который совсем забросила после расставания с Ники. Не помню, что именно я писала в дневнике, но на его страницах я впервые призналась, что мной овладело чувство, похожее на то, что я испытывала к Ники. Только теперь я была уже не наивной девочкой, а зрелой женщиной, познавшей в своей жизни и боль, и радости. С каждым днем я влюблялась все сильнее».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Рождение сына

18 июня 1902 г. на даче в Стрельне Кшесинская родила сына Владимира. Роды были очень трудными и едва не стоили жизни и ей, и ребенку. Позже, уже в эмиграции, она объявила, что это сын великого князя Андрея Владимировича. Тогда же все могли только предполагать, кто из многочисленных поклонников балерины – настоящий отец ребенка. Опять имя Кшесинской было окружено сплетнями, опять она была героиней скандальной хроники. Когда Матильда окрепла после родов, состоялся трудный разговор с великим князем Сергеем Михайловичем, которому балерина сообщила, что не он является отцом ее сына. Однако он настолько любил Кшесинскую, что решил остаться с ней, чтобы оберегать ее как добрый друг, дал свое отчество ее сыну, чтобы пресечь кривотолки, и трогательно заботился о нем. И, по мнению современников, был уверен, что Вова все-таки его сын. Имя новорожденному Матильда выбрала в честь великого князя Владимира Александровича, отца Андрея. Ей очень хотелось назвать сына Николаем, но ей посоветовали этого не делать. Фамилию и титул светлейшего князя Красинского пожаловал мальчику император Николай II.

«…В них двух была вся моя жизнь»

«В моей домашней жизни я была очень счастлива. У меня был сын, которого я обожала, я любила Андрея, и он меня, в них двух была вся моя жизнь. Сергей вел себя бесконечно трогательно, к ребенку относился как к своему и продолжал меня очень баловать».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Матильда и великий князь Сергей

К 1914 г. Кшесинская была невенчанной женой Андрея: он появлялся с ней в свете, она сопровождала его в заграничные санатории (великий князь страдал слабыми легкими). Но и о Сергее Михайловиче Матильда Феликсовна не забывала – за несколько лет до войны князь попытался было ухаживать за одной из великих княжон, и тогда Матильда вежливо, но настойчиво попросила его прекратить безобразие – во-первых, он ее компрометирует, во-вторых, ей неприятно на это смотреть. Она терпеть не могла, когда страдало ее самолюбие. А вот сталкивать лбами влюбленных в нее мужчин было в ее характере, и, как ни странно, мужчины охотно играли в эту игру, еще больше привязываясь к балерине. Сергей Михайлович так никогда и не женился: воспитывал маленького Вову и не жаловался на судьбу. Матильда прекратила с ним любовные отношения, но он все еще продолжал на что-то надеяться…

Коронная роль

Когда-то знаменитый балетмейстер Мариус Петипа, который так и не выучил русский язык, хотя много лет прожил в России, в ответ на просьбу Кшесинской дать ей роль Эсмеральды в балете по роману Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» поинтересовался: «А ты… любить?» Возлюбленная тогда еще наследника радостно кивнула. «А ты… страдать?» Матильда недоуменно пожала плечами и ответила отрицательно. И только после разлуки с Николаем она до конца осознала, что имел в виду главный хореограф Императорского балета. И ее страстная, страдающая Эсмеральда завораживала любого, кому посчастливилось увидеть танцовщицу в этой роли, ставшей ее лучшей ролью на императорской сцене.

Спустя много лет после дебюта, в 1914 г., она танцевала «Эсмеральду» для императора, неожиданно приехавшего в театр, чтобы посмотреть на ее исполнение. Сбылась ее мечта – Николай наконец-то увидел балерину в роли, в которой она осталась непревзойденной. Тогда Кшесинская была единственной исполнительницей этой роли – ни одна другая балерина даже не пыталась за нее браться. В этот вечер партия Эсмеральды ей особенно удалась – она вложила в нее всю страстность своих чувств. И как всегда после многих спектаклей, которые посещал император, она стояла у окна своей гримерной, наблюдая за отъезжающим Ники, ловя его прощальный взгляд.

Матильда Кшесинская – Эсмеральда

Матильда Кшесинская – Эсмеральда

Балет «Эсмеральда» для Николая II

«В этом балете я всегда танцевала с большим чувством и вдохновением, глубоко переживая судьбу несчастной героини. Но в тот вечер, впервые выступая в этой роли для Ники, я вложила в нее всю свою душу. Сцену на балу, когда Эсмеральда танцует с Гренгуаром перед Фебом и его невестой, я исполняла так проникновенно, как будто от этого зависела моя собственная судьба, а мои глаза застилали слезы. Я чувствовала, что в тот вечер среди зрителей были люди, которые меня понимали и переживали эту драму со мной».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Прима-балерина

К началу XX столетия Матильда Кшесинская находилась на вершине своей славы. По виртуозности она не уступала Пьерине Леньяни, а по актерским качествам даже превосходила ее. Противостояние, возникшее между Кшесинской и Леньяни, прекратилось только в 1900 г., когда Кшесинской удалось превзойти итальянку. В поставленных Петипа двух премьерах одноактных балетов на музыку Глазунова, где в «Испытаниях Дамиса» в роли Изабеллы танцевала Леньяни, а во «Временах года» более удачная партия Колоса досталась Кшесинской, она показала всю мощь своего таланта окончательно сложившейся классической балерины. Но интрига состояла еще и в том, что Леньяни намеренно предложили для танца длинное платье и туфли на каблуках, что помешало ей быть такой же воздушной, как Кшесинская, которая блистала в легкой золотистой тунике и на пуантах. Контракт с Леньяни в дальнейшем не продлили.

Матильда Кшесинская в балетном костюме

Кшесинская в нелегкой борьбе добилась звания прима-

балерины. Дирекция Императорских театров, зная внимание к ней монарших особ, не мешала безраздельно властвовать на сцене. И всемогущей хозяйке Императорского театра отдавались теперь все понравившиеся ей премьеры и те спектакли, где ведущие партии раньше исполняла Леньяни: «Лебединое озеро» П. И. Чайковского, «Конек-Горбунок» Ц. Пуни и другие, значительно расширившие ее репертуар. Любимые балеты «Эсмеральду» и «Тщетную предосторожность» Матильда не позволяла передавать другим – они становились ее собственностью. Кшесинская царила в балетах Мариуса Петипа, владея всеми выразительными средствами классического танца. Ее бравурное искусство, ее танец самой высшей пробы, ее сценические манеры и костюмы олицетворяли собой блеск и незыблемость империи.

Маријус Петипа

Снова на императорской сцене

Не прошло и двух месяцев после родов, как балерина, прослышав, что в Мариинке начались против нее интриги, уже вышла на сцену. Прима-балерина Императорского театра, которой рукоплескала европейская публика, которая умела отстоять свое положение силой обаяния и страстностью таланта, за спиной которой стояли влиятельные покровители, – такая женщина, конечно же, имела многочисленных завистников. Атмосфера недоброжелательности угнетала балерину настолько, что ей захотелось оставить сцену и уйти. Как-то раз поклонники балерины Ольги Преображенской, ее подруги детства, пытались сорвать ей спектакль. А однажды, к своему ужасу, в грохоте аплодисментов Матильда различила свист и шиканье. В тот же день она заявила, что со сценой покончено. Такое решение далось ей тяжело, но поступить по-другому она не могла – иначе перестала бы себя уважать.

Матильда Кшесинская на сцене

Прощальный бенефис

На ее прощальном бенефисе 21 января 1904 г. Мариинский театр, как заметил один биограф, походил скорее на Зимний дворец. «В этот вечер у меня была сверхъестественная сила!» – вспоминала она. Для бенефиса Кшесинская выбрала два первых акта «Тщетной предосторожности», куда вставила то самое па-де-де, в котором дебютировала на сцене в 1890 г., и в очередной раз поразила зрителей своей победной виртуозностью. Легко исполнив 32 фуэте, она повторила их на бис. Затем балерина исполнила две картины из первого акта «Лебединого озера», медленно удалялась на пуантах спиной к залу и поднималась на возвышение, как бы прощаясь с публикой. Среди подарков, которыми завалили бенефициантку, был золотой лавровый венок, сделанный по мерке ее головы, на каждом листике которого было выгравировано название балета, в котором она танцевала. Молодежь, поджидавшая приму у служебного входа, выпрягла коней, запряженных в ее карету, и потащила карету на себе до самого дома балерины. В этом же году ей присвоили звание «Заслуженной артистки Императорских театров», а вскоре началась Русско-японская война.

Сравнение Матильды Кшесинской и Анны Павловой

Известный театральный критик Андрей Левинсон писал о Кшесинской: «Если облачный образ А. П. Павловой прозрачной и бесплотной тенью вьется над Елисейскими Полями мечты – Кшесинская в божественных играх носится по цветочному ковру земного рая. Искусство ее – стихийное, органическое, земное. Искусство личности, одаренной без меры, ненасытно ищущей себе удовлетворения в неисчислимых возможностях балетной формы, в блеске и звоне вариаций на носках, в протяжных и томных арабесках… Поэтому ее танец столь обогащен радостью, сверкающими улыбками торжества, насыщен непрерывным внутренним напряжением».

Возвращение

Эффектный уход балерины из театра сменился не менее эффектным возвращением – в начале нового театрального сезона директор Императорских театров В. А. Теляковский при всей своей нелюбви к приме попросил Кшесинскую вернуться на сцену, зная, как горячо принимает и боготворит ее публика. Она согласилась танцевать без контракта, что давало ей свободу и не отнимало властных позиций в театре. Ей поверили на слово – ведь она была очень дисциплинированной и ответственной. Кшесинская вернулась, чтобы участвовать только в гастрольных выступлениях, и такой порядок сохранялся до конца ее карьеры. Большинство артистов радовались возвращению Кшесинской, но, естественно, нашлись и недоброжелатели. Все началось сначала – овации в зрительном зале, склоки и интриги за кулисами.

По свидетельствам современников, Матильда сама выбирала время для своих спектаклей и выступала только в разгар сезона, позволяя себе длительные перерывы, на время которых прекращала регулярные занятия и безудержно предавалась развлечениям. Всегда веселая и смеющаяся, она обожала приемы и карты. Как ни странно, бессонные ночи не отражались на ее внешности, не портили ее настроения. Она обладала удивительной жизнеспособностью и исключительной силой воли.

В течение месяца, предшествующего ее появлению на сцене, Кшесинская все свое время отдавала работе – усиленно тренировалась часами, никуда не выезжала и никого не принимала, ложилась спать в десять вечера, каждое утро взвешивалась, всегда готовая ограничить себя в еде, хотя ее диета и без того была достаточно строгой. Перед спектаклем она оставалась в постели 24 часа, лишь в полдень съедала легкий завтрак. В шесть часов она была уже в театре, чтобы иметь в своем распоряжении два часа для экзерсиса и грима.

Новые веяния

Императорская сцена отнюдь не способствовала новаторству в балете. Но молодому балетмейстеру Михаилу Фокину, выпускнику Императорского театрального училища, удалось прославиться в Петербурге своими оригинальными стильными постановками. В 1890 г., в год дебюта Кшесинской, Фокин, которому тогда было 10 лет, впервые выступил на императорской сцене в детских танцах в балете «Спящая красавица». В казенных театрах первенство тогда держали «большие балеты», многоактные академические спектакли, непревзойденным творцом которых оставался Мариус Петипа. Фокин же открыл жанр одноактного балета, хореографической миниатюры, прочно утвердившийся на Западе после «Русских сезонов» Сергея Дягилева. Он привнес в балет современные веяния в живописи, музыке, драме, которые пришлись по душе зрителям.

Нельзя сказать, что Кшесинская легко привыкала к нововведениям в хореографическом искусстве, но с самого начала она поддержала талантливого балетмейстера. Правда, их отношения с Фокиным неоднократно менялись. Кшесинская то боготворила балетмейстера-новатора, то хлопотала о том, чтобы убрать его с петербургской сцены. Однако популярность Фокина не могла оставить ее равнодушной, и, несмотря ни на что, они продолжали совместную работу. Воспитанная на эстетике Петипа, но убежденная, что ей с ее академической выучкой подвластно все, балерина и в постановках Фокина создала незабываемые образы. Особенно хороша она была в его балетах «Эвника» и «Эрос».

Из интервью Кшесинской журналу «Огонек» в 1911 году

«Многие упрекают меня за то, что я будто бы противодействую всему новому в хореографии. Другие столь же неосновательно одобряют мою мнимую непримиримость в отстаивании традиций «классической» школы. Хулители и поклонники в равной степени односторонни. Живое искусство не может остановиться на какой-либо ступени развития: если оно не будет прогрессировать, ему угрожает омертвение. Но оно не должно в своем развитии отрываться от корней,

питающихся жизненным опытом прежних поколений. Ради процветания новой литературы незачем сжигать книгохранилища. Я всецело стою на стороне самого смелого новаторства, лишь бы оно двигало искусство дальше, не лишая его ни одного из прежних завоеваний».

Кшесинская и Дягилев

В те годы весь Петербург следил за ходом настоящей войны, разгоревшейся между Кшесинской и чиновником особых поручений при дирекции Императорских театров Сергеем Дягилевым, заступившим на свой пост в 1906 г. Его часто можно было видеть в креслах Мариинского театра на репетициях и спектаклях. Как назвать Сергея Дягилева? Гениальным импресарио? Крупнейшим театральным предпринимателем? Неутомимым новатором, прокладывающим пути развития современного искусства? История Дягилева – это история превращения скромного любителя-мецената в законодателя художественной моды. Его деятельность разворачивалась в драматичных обстоятельствах сложного времени великих общественных потрясений, бурного времени лихорадочного брожения, стремительного и подчас безоглядного отметания отживших канонов, поспешного провозглашения новых принципов. В духе времени протекала и жизнь Дягилева – в головокружительном вихре, в калейдоскопе идей и начинаний, в мелькании стран, городов и отелей.

В облике Дягилева причудливым образом переплетались черты «усадебного барина» и современного дельца «американской складки», замашки самодура и деспота – с лоском европейской культуры, провинциальная сентиментальность – с дерзким эпатажем в духе Оскара Уайльда. К людям, не интересовавшим его, Дягилев относился подчеркнуто высокомерно и презрительно, и напротив, он становился чрезвычайно трогательным, заботливым и нежным для тех, кому симпатизировал и кем увлекался. Он обожал сплетни и имел явный талант к интригам.

Вначале Дягилев, организатор знаменитых «Русских сезонов» – ежегодных выступлений наших артистов за границей, – добивался расположения Кшесинской, рассчитывая, что она выхлопочет для его предприятия разрешение двора и деньги. Его прежде всего интересовал вопрос покровительства и государственной субсидии. Он хотел обратиться к великому князю Владимиру Александровичу, чтобы тот стал патроном будущего балетного сезона в Париже. Зная, что Кшесинская находится в хороших отношениях с великим князем, он надеялся на ее посредничество в этом деле. Взамен он клялся прославить ее имя в столице Франции. Но великий князь Владимир Александрович неожиданно скончался, хотя ему не исполнилось и 62 лет. Буквально накануне они вместе с великим князем

Андреем были на исповеди в Малой церкви Зимнего дворца. Кончины великого князя ничто не предвещало…

Шиншилла

За претенциозную седую прядь, сверкавшую в темных набриолиненных волосах, танцовщицы прозвали Сергея Дягилева Шиншиллой. Говорили, что, если на спектакле присутствовал Дягилев, Матильда Кшесинская, исполняя сложную вариацию, про себя напевала: «Как увидала я, что в креслах Шиншилля, Ужасно я боюся, что в танце я собьюся».

Первый слева в группе – Сергей Дягилев, третий – Игорь Стравинский

Вместе с его смертью рухнула и надежда на высокое покровительство. После этого отношение Дягилева к балерине резко изменилось, хотя они были друзьями. Достаточно было взглянуть на программу сезона, как стало ясно, что Кшесинской там места нет – все лучшие партии были розданы молодым и талантливым Анне Павловой, Тамаре Карсавиной, Вацлаву Нижинскому, обратившему на себя внимание Кшесинской сразу после выпуска из училища. Бог Танца, Восьмое Чудо Света, Царь

воздуха – так называли Нижинского современники, и Кшесинская сразу же сделала его своим партнером. Дягилев назначил Павлову на роль Жизели, в которой она действительно была неподражаема, а Кшесинской предложил второстепенную роль в балете «Павильон Армиды», в котором она не смогла бы продемонстрировать всех своих возможностей и рассчитывать на успех у парижской публики. На настойчивые просьбы балерины Дягилев отвечал отказом. Кшесинской ничего не оставалось делать, как отказаться от участия в «Русском сезоне».

Гастроли в Париже и Лондоне

В пику Дягилеву прославлять себя в Париже Кшесинская поехала сама. Она настояла, чтобы в балет «Корриган», который она исполняла на сцене парижской Оперы, включили ее сольную партию из «Дочери фараона» – чтобы добиться желаемого успеха и навсегда закрепить свою репутацию на парижской сцене. Кшесинская предстала перед взыскательной публикой во всем блеске таланта русской классической примы-балерины. Ей сопутствовал огромный успех. Номер пришлось повторить на бис, что считалось выдающимся событием. Таким образом, имя Матильды Кшесинской прогремело в Париже за год до появления дягилевских танцовщиков. И Дягилеву пришлось уступить – Кшесинская стала звездой «Русских сезонов» в Лондоне в 1911 г., а в следующем году Дягилев пригласил приму выступить с его антрепризой в Вене, Будапеште и Монте-Карло. Он решил, что гораздо лучше и выгоднее помириться с балериной, чем продолжать никому не нужный спор. На сцене лондонского театра Ковент-Гарден Матильда танцевала «Лебединое озеро» под скрипку виртуоза Михаила Эльмана, а также балет «Карнавал» и па-де-де из «Спящей красавицы». Для «Спящей красавицы» Дягилев сам выбрал балерине очень красивый костюм бледно-голубого цвета с сиреневым оттенком, а потом они вместе обсуждали, какие надеть украшения.

Английский историк балета Арнольд Хаскелл о Кшесинской и Дягилеве

«Наконец-то Кшесинская и Дягилев, две самые выдающиеся индивидуальности в России, помирились. Между ними часто происходили стычки, временами они были союзниками, а порой – непримиримыми врагами. И все же они уважали друг друга и имели одну общую черту: оба были незлопамятными. В 1925 г. Дягилев представил меня ей со словами: «Вот достойный меня противник». Эта фраза в полной мере отражает суть их отношений.

Кшесинская была в России всемогущей и могла получить в Маринском театре все, чего хотела. И все же многие авторы, дав волю своей фантазии, написали о ней столько ерунды, сколько ни о ком другом. Ей приписывались все скандалы, происходившие в то время, а

она не прилагала никаких усилий, чтобы опровергнуть эти слухи. Отличительной чертой этой женщины было удивительное обаяние, остроумие и ум. По натуре непредсказуемая, она имела характер воина, но на сцене и нужно быть воином. Самым большим ее недостатком было то, что она всегда выходила из схватки победителем».

Партнером Кшесинской выступил Вацлав Нижинский, ставший фаворитом Сергея Павловича. Балерина очень ценила Нижинского, которого считала гениальным танцовщиком, перевернувшим представления о мужском танце в балете, а он с трудом переносил зрелище чужого успеха. «Танец русской звезды – той же степени пробы и качества огранки, что и бриллианты в диадеме ее героини», – писала газета «Гардиан» о Кшесинской. Огромный успех примы императорской сцены, которую вызывали на поклоны много раз, задел самолюбие Нижинского. Он устроил Дягилеву сцену ревности, пригрозил, что больше не будет выступать с Матильдой и, говорят, даже разорвал на себе костюм…

20 лет на сцене

В 1911 г. Матильда Кшесинская торжественно отметила 20-летие своей сценической деятельности. День бенефиса она опять назначила на 13 февраля, и опять эта дата пришлась на воскресенье. На спектакле присутствовали император, обе императрицы и вся царская семья. Были показаны первый акт из балета «Дон Кихот», третий акт «Пахиты» и второй акт балета «Фьяметта», который очень любил император еще в бытность наследником престола, о чем оставил запись в своем дневнике.

Во время первого антракта директор Императорских театров Теляковский вручил юбилярше царский подарок – бриллиантового орла удлиненной формы в платиновой оправе и с платиновой цепочкой для ношения на шее. К орлу был приложен великолепный розовый сапфир, обрамленный бриллиантами. Через великого князя Сергея Михайловича император поинтересовался, наденет ли Кшесинская его подарок для выступления на сцене. Разумеется, балерина его надела и танцевала в этом украшении па-де-де в балете «Пахита».

Матильда Кшесинская – Аспиччия

«Ежегодник Императорских театров» о бенефисе

Кшесинской

«Тринадцатого февраля 1911 года произошло выдающееся событие: М. Кшесинская отпраздновала 20-летний юбилей своей работы на сцене. Как представительница классического направления в искусстве танца, она не имеет соперниц на русской сцене, настолько совершенно ее мастерство. М. Кшесинская начинала свою карьеру в то время, когда у нас восхищались искусством иностранных танцовщиц, более или менее знаменитых, таких, как Брианца, Дель Эра, Леньяни, Замбелли и другие. Мадемуазель Кшесинская, рискнувшая выступить в тех ролях, в которых блистали иностранные танцовщицы, постепенно воцарилась на балетной сцене и проторила путь для других русских балерин… Переняв от итальянской школы виртуозность, а от французской – грацию, мадемуазель Кшесинская преломила их через призму чисто славянской утонченности и добавила к ним великолепную мимику. В результате ей удалось довести до совершенства свое мастерство, которое вот уже 20 лет приводит в изумление любителей балета».

Подарков было великое множество, они едва уместились на длинном столе во всю сцену. А за столом стояли корзины с цветами, напоминая огромный цветник. Особенно запомнились балерине подарки от великих князей Андрея Владимировича и Сергея Михайловича. Князь Андрей подарил своей возлюбленной бриллиантовую диадему с семью крупными сапфирами, сделанную по эскизам князя Шервашидзе, художника по костюмам балета «Дочь фараона». А князь Сергей преподнес шкатулку из красного дерева с золотыми оковками работы Фаберже, в которой была целая коллекция желтых бриллиантов. Блеск бриллиантов неотделим от образа Матильды Кшесинской, и без этих описаний мы не поймем до конца, что же такое был русский императорский балет.

Последние па

…Вот ей уже и 40 лет. Она не могла не понимать, что ее время уходит. Стала приглашать на свои репетиции верных людей, чтобы те оценили, насколько хорошо она еще танцует и не пора ли ей уже действительно покинуть сцену. Друзья искренне советовали ей остаться, умалчивая при этом, что теперь в танце за нее многое делает ее прекрасный партнер – юный красавец атлетического сложения Петр Владимиров, вдвое моложе балерины. Он, по словам критики, «преподносил Кшесинскую публике, как бокал шампанского». Владимиров сделал потрясающую карьеру, став партнером самой Матильды Феликсовны Кшесинской и заменив в репертуаре уволенного Вацлава Нижинского. Билетов на их спектакли по-прежнему было недостать, и очередь в кассу театра, как и прежде, занимали с ночи, хотя время было трудное – началась Первая мировая война, которая привела империю к катастрофе.

Новый партнер Петр Владимиров

«В особенности хорошо я стала танцевать в последние годы, когда начала выступать с Владимировым. Он страшно увлекался и вдохновлял свою партнершу. Я с ним выступала в «Лебедином озере» и так с ним станцевалась, как ни с кем. Он меня замечательно поддерживал в адажио второй картины первого действия, подбрасывая и ловя, как перышко, так что весь зал ахал от восторга, – это было в те времена ново. «Талисман» всегда был моим удачным балетом, и очень выигрышным. Но с тех пор, что со мною стал в нем выступать П. Владимиров, балет этот еще больше выиграл. Когда во втором действии Владимиров изображал Гения ветра и вылетал на сцену, неся меня на своем плече, это производило огромное впечатление».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Благотворительная деятельность

К сожалению, благотворительность, которой занималась Кшесинская во время войны, почему-то уходит на второй план, уступая место скандалам и интригам, но о ней нельзя не сказать. Кроме участия в прифронтовых концертах, выступлений в госпиталях и благотворительных вечерах, Матильда Феликсовна принимала активное участие в обустройстве двух современнейших для того времени образцовых госпиталей-лазаретов. Она не перевязывала лично больных и не работала сиделкой, полагая, видимо, что каждый должен заниматься тем, что умеет делать хорошо. А она умела дарить людям праздник, за что была любима не меньше, чем самые чуткие сестры милосердия. Она организовывала поездки раненых на свою дачу в Стрельне, устраивала выезды для солдат и врачей в театр, писала под диктовку письма, украшала палаты цветами или, сбросив туфли, без пуантов, просто танцевала на пальцах.

«Мой долг сегодня – всеми силами служить родному Отечеству и Государю», – писала Матильда Феликсовна великому князю Андрею Владимировичу, из-за слабого здоровья находившемуся при штабе Северо-Западного фронта. И это не было громкими словами. Всем сердцем она переживала за того, на чьи плечи свалилась такая тяжелая ноша…

Хозяйка салона

Со школьных лет в мозгу засела фраза Маяковского: «Особняк Кшесинской, за дрыгоножество подаренный…» Но великий поэт не добавил, что это «дрыгоножество» было гениальным искусством…

О постройке нового комфортабельного дома Матильда начала задумываться после рождения сына. Ей хотелось сделать так, чтобы сын, став взрослым, продолжал жить вместе с ней, а в старом доме она смогла бы ему выделить всего одну комнату. Особняк на Английской набережной стал тесен, обветшал. Проще было разобрать его и поставить новый, чем перестраивать. Но за это время изменился и район – со всех сторон дымили заводские трубы, и Кшесинской захотелось расположиться в более фешенебельном районе столицы. Расставаться с домом, где прошло так много счастливых дней, было тяжело, но не менее тяжело было и продолжать жить там, где все напоминало о Ники…

Особняк на Кронверкском проспекте

Весной 1906 г. Кшесинская купила большой участок земли на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы, в лучшей части города, вдали от фабрик и заводов. Площадь

участка была такова, что на ней можно было не только разместить просторный дом, но и разбить сад. Кшесинская хотела стать хозяйкой роскошной усадьбы в черте города и построить настоящий дворец. Проект дворца она заказала известному на весь Петербург архитектору Александру фон Гогену, с которым обсудила все свои пожелания, чтобы дворец соответствовал образу жизни примы-балерины. К концу года двухэтажный дворец длиной 50 метров и шириной 30 был закончен. За фасад особняка Кшесинской, выполненный в стиле северного модерна, фон Гоген получил от городской управы серебряную медаль. С одной стороны особняк находился на Петроградской стороне – самом модном районе Петербурга начала XX в. Вместе с тем дом фактически стоял на Неве – главной магистрали Петербурга, на которую выходили основные здания города: Зимний дворец, Исаакиевский собор, Сенат, Академия наук. Дворец Кшесинской по площади жилых помещений превышал, и существенно, левое крыло Александровского дворца в Царском Селе – основной резиденции императора Николая II и его семьи. Все было построено и обставлено по желанию и вкусу балерины: зал – в стиле русский ампир, салон – в стиле Людовика XVI, спальня и уборная – в английском стиле, с белой мебелью и обитыми ситцем стенами. Интерьер некоторых помещений Кшесинская разработала сама. Модную стильную мебель поставил известный французский фабрикант Мельцер, а мебель для комнат прислуги – фабрика Платонова. Люстры, бра, канделябры, ковры, ткани для обивки мебели и стен и все прочее, вплоть до шпингалетов, было выписано из Парижа. Стены в гостиной обили желтым шелком. Говорили, что деньги на эту покупку – 88 тысяч рублей – дал Кшесинской великий князь Сергей. Вполне возможно. Но то, что дом не был подарком императора, совершенно точно, а ведь в плену этой стойкой легенды до сих пор находятся многие. Известно, что чем более нелепа сплетня, тем более она живуча. Посетители Государственного музея политической истории России, который располагается во дворце Кшесинской, часто просят показать им подземный ход, связывавший особняк с Зимним дворцом, по которому Николай II якобы пробирался на свидания с балериной. Не было никакого хода и никаких свиданий!

Прекрасный образец петербургского модерна

Здание в стиле модерн привлекает свободной

асимметричной композицией, строгой элегантностью, разнообразием форм. Разная высота его звеньев, меняющиеся ритм и размеры окон повторяют особенности внутренней планировки.

Выразительна богатая палитра отделочных материалов: красный и серый гранит, светлый облицовочный кирпич и синяя майоликовая плитка, элементы металлических конструкций и кованые узоры. Палисадник, ограда и угловая беседка подчеркивают впечатление уютной камерности. Облик особняка ясен и функционально четок. Не претендующий на внешнюю роскошь, он по-своему импозантен.

Недаром его часто называли дворцом Кшесинской.

Великий князь Андрей Владимирович на пикнике

Устройство гардеробных в новом доме

«Гардеробные были очень удобными. Одна из них находилась наверху, и там в дубовых шкафах висели мои платья. Другая располагалась внизу и предназначалась для моих театральных костюмов и всего, что к ним прилагалось: балетных туфелек, париков, головных

уборов и т. д. Каждый из четырех огромных шкафов был снабжен полным перечнем всего, что там хранилось. Дубликат перечня оставался у меня. Благодаря этому я всегда могла кого-нибудь послать за нужной вещью. А это случалось часто, когда я жила на даче и выступала в Красном Селе. Нужно было только сообщить прислуге номер шкафа и вещи, которую мне необходимо было получить».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Кшесинская торопила архитектора, так как ей не терпелось въехать в новый дом, и перед Рождеством 1907 г. она смогла это сделать. Архитектор в точности выполнил все пожелания балерины, и она осталась очень довольна, а свой старый особняк Матильда продала Александру Георгиевичу Романову. Перед тем как навсегда покинуть дом, она прошлась по всем комнатам, задержалась в спальне, и от нахлынувших воспоминаний на ее глаза навернулись слезы… Чувства к Ники продолжали жить где-то в потаенных уголках ее души…

В окружении роскоши

«Избалованная и всеми любимая, Кшесинская жила в такой роскоши, о которой никогда не смела и мечтать. Ее драгоценности славились не только в Петербурге, особенно известно было ее бриллиантовое колье, которое она носила и на сцене. Кто в Петербурге не знал ее роскошного особняка? Он был полон чудесными произведениями искусства, в нем был огромный зимний сад с редкостными растениями и цветами. Кшесинская устраивала приемы, собиравшие самое изысканное петербургское общество».

(Из воспоминаний журналиста С. Яворского.)

Больше всего хозяйка дворца гордилась половиной для прислуги, где были оборудованы удобные светлые комнаты и столовая, а также шикарно обставленной кухней. Матильда часто приводила туда гостей, чтобы они могли полюбоваться ее устройством. В доме были холодильник и специальная холодная кладовая для сухих продуктов, так что при необходимости можно было приготовить обед экспромтом. На весь Петербург славился

французский повар балерины Дени. Кшесинская с детства любила вкусно поесть, была гурманкой, но, когда подходило время выступлений, не щадя себя, садилась на жесткую диету. Был и погреб с прекрасными винами, которые с любовью выбирал и закупал великий князь Андрей. Ценители отборных вин могли выбрать их для себя по каталогу и расположиться прямо в погребе для дружеской пирушки. У балерины было очень много нарядов для выхода и сценических костюмов, поэтому оборудованию гардеробных комнат уделили особое внимание.

Во дворе располагался сарай для конных экипажей и гараж для автомобилей балерины. Чтобы Вова мог пить свежее молоко – у него было слабое здоровье, – с дачи в город перевезли корову, которая располагалась в хлеву. Ухаживала за ней коровница Катя. Здесь же жила свинья, Вовина любимица. А в самом доме поселились ручная козочка, с которой балерина выступала в своем коронном балете «Эсмеральда», и неразлучный друг хозяйки, фокстерьер Джиби. Проходившие мимо сада Кшесинской могли наблюдать трогательную картину, как по саду гуляли вместе свинья, козочка и фоксик.

За порядком в саду и во дворе неустанно следил дворник балерины Матвей Денисов, которого все называли «Дед Матвей», хотя он не был старым человеком. В Русско-японскую войну его наградили Георгиевским крестом. Кшесинская очень его уважала и, когда уезжала на дачу или на гастроли, доверяла особняк не столько управляющему, сколько дворнику, который жил здесь же с женой и двумя детьми.

У Кшесинской одной из первых в столице появился автомобиль, потом их стало два. Шофером у нее служил молодой человек по фамилии Семенов. Родом из деревни, он с почтением относился к своим родителям и старшим братьям, называя их в письмах на «вы». Молодой шофер любил свою работу, что очень ценила Матильда. Когда во время Первой мировой войны его призвали в армию, Кшесинская постаралась устроить его на престижное место – в Управление генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем.

Очень любила балерина свою горничную Людмилу Румянцеву, бывшую портниху Мариинского театра, одевавшую артистку на спектаклях. Румянцева тоже к ней привязалась и, не желая расставаться со своей хозяйкой, последовала за ней по всем дорогам Гражданской войны, а потом и в эмиграцию во Францию, где служила Кшесинской до своей кончины в 1951 году.

Рождество со слоном

В своем особняке Матильда Кшесинская часто устраивала праздники – и для взрослых, и для детей. Больше всего она любила к Рождеству нарядить сыну Вове елку «с массой игрушек вокруг». На рождественские приемы приглашались дети, сверстники Вовы. Для них устраивались всевозможные развлечения, и каждый ребенок получал от хозяйки рождественский подарок. Особенно запомнилось Рождество 1914 г., когда на елку в свой дворец Кшесинская позвала знаменитого дрессировщика Владимира Дурова со своими животными, среди которых был даже слон, закутанный в плед, чтобы он не простудился. До начала представления слона спрятали в ротонде, чтобы сделать детям сюрприз.

Стулья для детей были расставлены перед красавицей лкой, украшенной роскошными игрушками и сверкающей мишурой. Представление началось, и Владимир Дуров показывал детям разные трюки в исполнении своих дрессированных собачек. Во время антракта в зал внесли большую кровать и поставили около нее большой горшок. Дети были заинтригованы. И вдруг под радостный визг детей из ротонды в белый зал медленно вошел огромный слон! Слон начал показывать, как он ложится спать, а перед сном берет горшок. Можно только вообразить себе восторг маленьких зрителей, которым Кшесинская подарила настоящую рождественскую радость!

Лина Кавальери

Без блестящих приемов, тон которым задавали великие князья, домашних спектаклей, концертов, артистических

капустников у Кшесинской невозможно было представить себе дореволюционный Петербург. Это стало его приметой. Атмосфера творчества, праздника, доброжелательности и гостеприимства царила во дворце на Кронверкском, и казалось, что так будет всегда…

Звездные гости Матильды Кшесинской

Дворец Кшесинской был своеобразной Меккой художественной интеллигенции Петербурга вплоть до революции. Великий князь Константин Константинович, президент Академии наук, поэт и драматург, писавший под псевдонимом К. Р., переводчик Шекспира, Гёте и Шиллера, не раз участвовал в домашних концертах у Кшесинской. Вместе с ним приходили его друзья – композиторы Петр Шенк и Александр Глазунов. Частыми гостями в особняке были выдающиеся актеры Александринского театра Мария Савина, Варвара Стрельская, Владимир Давыдов, Константин Варламов, Юрий Юрьев. Здесь пела очаровательная итальянская певица Лина Кавальери, «российский соловей» Леонид Собинов, «царственный бас» Федор Шаляпин. В гостях у Кшесинской бывали знаменитый ювелир Карл Фаберже и не менее знаменитая американская танцовщица-босоножка Айседора Дункан, чье вдохновенное искусство вызывало восторженные отклики Кшесинской. С большой радостью балерина принимала у себя своих коллег по театру Анну Павлову, Тамару Карсавину, Вацлава Нижинского, Сергея Дягилева, который больше всего любил бывать у нее на даче в Стрельне.

Глава 4. Катастрофа

Революция

…Что-то тревожное, неумолимое надвигалось давно. Каждый день приносил все более тревожные вести. Сначала это были только слухи, передаваемые из уст в уста, и казалось трудным определить, так ли плохо обстоят дела в действительности или же это паникерские настроения, распространяемые среди народа…

17 января 1917 г., в день бенефиса хора, всем участникам праздничного спектакля «Немая из Портики», среди которых была и Кшесинская, исполнявшая роль Фенеллии, стало не по себе. На сцене совершалась революция, горел дворец, и все было озарено отблесками пламени, как бы предупреждая, что и всех ждет такая же участь, только не на театральной сцене, а в жизни…

В том роковом 1917 г. многое для Кшесинской становилось последним.

2 февраля балерина в последний раз вышла на сцену Мариинского театра, которому отдала 27 лет, в благотворительном спектакле в пользу Дома труда инвалидов войны, который с высочайшего позволения организовала графиня Матильда Витте. Вместе с Фокиным Кшесинская танцевала в его балете «Карнавал»: она в роли Коломбины, он в роли Арлекина. Театр был наполнен элегантной великосветской публикой, которую через несколько месяцев сметет революционный ураган и раскидает во все стороны… Но тогда люди еще и не подозревали об этом и горячо аплодировали своим кумирам. Сверкали эполеты, переливались бриллианты, роскошные меха источали аромат дорогих духов… Представление удалось на славу, и графиня Витте пришла в восторг и от него, и от полученных сборов. Думала ли Кшесинская, что это было ее прощание с императорской сценой…

Неожиданно позвонил полицейский генерал Галле и настоятельно порекомендовал Кшесинской с сыном покинуть столицу. «Каждую минуту в городе могут начаться беспорядки, – предупредил он, – и ваш особняк, находящийся в самом начале проспекта, может подвергнуться разрушению в первую очередь». После этих слов балерина с Вовой, в сопровождении Петра Владимирова, выехала в Финляндию, где провела неделю в санатории Рауха.

Все вроде бы успокоилось, и сестра Матильды уговорила ее устроить большой обед для друзей и знакомых, как это она часто делала. Надо ли говорить, что это был последний прием, данный Кшесинской в Петербурге… Обед был задуман на 24 персоны. По

этому случаю Матильда достала из сундуков и коробок сложенные туда с начала войны прелестные безделушки. У нее было много изделий работы Фаберже: целая коллекция цветов из драгоценных камней, золотая елочка, ветви которой, словно инеем, были усыпаны мелкими бриллиантами, розовый родонитовый слон, золотые рюмки.

Матильда Кшесинская с сыном

Женщина с отменным вкусом, Кшесинская любой обед или ужин превращала в торжественное, праздничное мероприятие, так же как и каждый свой выход на сцену. Она создавала красоту, продумывала каждую мелочь не только на сценических подмостках, но и в жизни, у себя дома, поэтому каждый прием в ее доме становился светским событием. Так было и в этот, последний раз, когда гости, словно что-то предчувствуя, долго не расходились…

Поразительно, что Кшесинская (как, впрочем, и все царское семейство), будучи осведомленной о положении в стране гораздо больше других, надвигавшуюся революционную грозу заметила слишком поздно…

Через несколько дней вновь позвонил встревоженный генерал Галле и посоветовал вынести все ценное из дома, так как с каждым часом положение становилось все более опасным. Крупные бриллианты Кшесинская дома не держала, хранила их у

Фаберже, но, помимо них, ценностей в доме было великое множество. Все, что попалось под руку, балерина сложила в небольшую сумку на случай бегства. В тот вечер, 27 февраля, когда Матильда села обедать с сыном, его гувернером Георгием Пфлюгером и артистами балета Петром Владимировым и Павлом Гончаровым, никто не мог думать о еде, блюда на тарелках так и остались нетронутыми. И это был последний обед балерины в своем доме. Если с утра с улицы доносились единичные выстрелы, то теперь стреляли уже совсем рядом с домом. Все понимали, что надо уходить, пока в дом не ворвалась разъяренная толпа. Кшесинская надела самое скромное пальто – черное бархатное, отделанное шиншиллой, – и накинула на голову платок, чтобы не привлекать внимания. В спешке чуть не забыли любимого фоксика Джиби, который смотрел на хозяйку огромными испуганными глазами. Куда бежать? Где спрятаться? И тогда Кшесинская вспомнила о драматическом артисте Юрьеве, который жил неподалеку. Вся компания бросилась к нему в квартиру, где и провела, не раздеваясь, три дня в проходном коридоре, куда не могла залететь шальная пуля. Рушилась великая империя, а вместе с ней летела под откос и жизнь ее верноподданной… Еду приносили из дома оставшиеся верными Кшесинской слуги. Предали ее только двое: экономка Рубцова и коровница Катя, сразу после ухода Кшесинской из дома укравшая все, что плохо лежало.

Последний прием в доме Кшесинской

«Обеденный стол был украшен ландышами в серебряных вазах, подаренных мне москвичами. Десерт подавали на прелестных золоченых тарелочках с позолоченными столовыми приборами. Этот сервиз был точной копией сервиза Екатерины II, находившегося в Эрмитаже. Я получила его в подарок от Андрея и сейчас опасалась, что в последнюю минуту неожиданно придет 25-й гость, которому не хватит позолоченной тарелочки и столового прибора. К обеду стол был сервирован лиможским фарфором, который Андрей привез из Франции, а рыбу подавали на привезенных из Дании тарелках с изображением различных рыб. Под каждым прибором лежала салфетка из настоящих кружев».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Экономка балерины была вдовой известного художника Рубцова, оформлявшего дворец великой княгини Ольги Александровны. Художник часто приходил в гости и был постоянным партнером в игре в покер. После его внезапной смерти вдова с детьми осталась без средств к существованию. Кшесинская взяла их к себе в особняк и предоставила лучшие комнаты на половине для прислуги. По просьбе Матильды играющие в ее доме в баккара или в покер откладывали небольшие суммы в пользу семьи умершего художника. К 1917 г. в этом своеобразном фонде накопились немалые по тем временам деньги – 20 000 рублей. Балерина очень привязалась к дочерям Рубцовой, особенно к Наташе, которую брала с собой в поездки за границу. И вдруг человек, которому она так помогла, открыл двери особняка перед солдатами, говоря: «Входите, входите, пташка упорхнула».

Солдаты в особняке Кшесинской

Захват особняка

Уже на следующий день после поспешного бегства Кшесинской в особняк ворвалась разъяренная толпа. Начался погром и грабеж. Искали саму Кшесинскую и управляющего, но не нашли. Тогда схватили главного дворника Денисова и поставили его к стенке, намереваясь расстрелять. Жена Денисова, у которой было больное сердце, увидев эту сцену из окна, скончалась от нервного потрясения. Спас дворника Георгиевский крест, который тот, не снимая, носил на груди. Кто-то более трезвый, чем другие, увидел этот крест и остановил расправу. Мародеры и хулиганы покинули особняк, а их место в опустевшем доме заняли солдаты мастерских запасного броневого автомобильного дивизиона. А вскоре особняк Кшесинской стал штабом большевиков – туда переехал Петроградский комитет РСДРП. После возвращения из эмиграции там почти ежедневно бывал Ленин, возглавляя деятельность большевистских организаций. Газетные сплетни о том, что Ленин поселился в будуаре Кшесинской, оставались сплетнями – в то время он жил на квартире сестры. Со знаменитого балкона особняка Ленин выступал с пламенными речами, как и Луначарский, Володарский, Коллонтай и другие ораторы, проводившие беспрерывно митинги не только днем, но и ночью.

Между тем несчастная балерина, до безумия боявшаяся за Вову, в отчаянии металась по городу, вдруг ставшему ей чужим. Несколько дней Матильда провела в квартире у брата, где он, не колеблясь, отдал им с Вовой лучшую комнату. Затем переехала на три дня к сестре, затем к подруге Лиле Лихачевой, затем к Петру Владимирову, чья небольшая квартира пустовала. Матильда с сыном заняла спальню Владимирова. Но и здесь балерину не покидало чувство тревоги. Она то и дело прислушивалась к доносившимся с улицы звукам, замирая от страха, когда мимо дома проезжал грузовик. Ей казалось, что он обязательно остановится перед домом, а это означало обыск, арест, а может быть, еще более страшное.

Штаб большевиков

«В доме Кшесинской непрестанно толклась масса народу. Одни приходили по делам в тот или иной секретариат, другие – в книжный склад, третьи – в

редакцию «Солдатской правды», четвертые – на какое-нибудь заседание.

Собрания происходили очень часто, иногда беспрерывно – либо в просторном широком зале внизу, либо в комнате с длинным столом наверху, очевидно, бывшей столовой балерины».

(Из воспоминаний Федора Раскольникова[7].)

Особняк Кшесинской

На квартире Владимирова Кшесинскую навестил Семен Николаевич Рогов, журналист и знаток балета, и сделал ей неожиданное предложение – выступить перед солдатами в театре Консерватории. Эта затея показалась балерине полнейшим безумием, но Рогову удалось убедить Кшесинскую. «Лучше согласиться добровольно, – добавил он. – Не стоит дожидаться, когда вам прикажут это сделать». И балерина скрепя сердце согласилась, по-прежнему терзаемая страхом. Из дома ей привезли сохранившийся сценический костюм для концертного номера «Русская». В день выступления Кшесинская загримировалась дома и ждала вестей из театра. Она волновалась, какая там обстановка. Выехавшие вперед Владимиров, Гончаров и поверенный в делах балерины Шессен смешались с толпой и прислушивались к разговорам солдат. Те были настроены враждебно. Но когда им объяснили, что

выступать будет выдающаяся артистка, гордость русского балета, их мнение изменилось. Тогда послали за Кшесинской. Она приехала, бледная как мел, несмотря на слой грима, в страхе перед выходом на сцену. Волновались и артисты, толпившиеся за кулисами, и организатор концерта. А больше всего балерина нервничала из-за сына, которого оставила одного, не зная, что ее ждет… Это было последним выступлением великой балерины в России.

Горько было почувствовать себя изгнанницей, потерявшей дом, но балерина сдаваться не собиралась. Она решила бороться до конца. Кшесинская отличалась характером редкой силы – это и позволяло ей царить и на сцене, и в жизни. Преодолев страх, она заглянула в свой оставленный дом и онемела от горя. То, что она там увидела, не поддавалось описанию. Всюду царило разорение. Прекрасная мраморная лестница, покрытая красным ковром, была завалена книгами, в которых копались какие-то женщины. Великолепный ковер, привезенный из Парижа, был залит чернилами, а всю мебель вынесли вниз. Из модного шкафа вырвали дверцу вместе с петлями и вынули все полки, а в шкаф поставили винтовки. В ванне балерины было полно отвратительно пахнувших окурков. Гостиная также представляла собой отталкивающее зрелище. Рояль фирмы «Бехштайн», сделанный из красного дерева, зачем-то перенесли в оранжерею и втиснули между двумя колоннами, сильно их повредив. Сторож рассказал балерине, что ручной белый голубь, которого Кшесинской подарили во Франции, в тот день, когда она ушла из дома, вылетел в окно, и больше его никто не видел…

Отречение императора

Весть об отречении императора повергла Кшесинскую в ужас. «Это казалось настолько невероятным, что просто не укладывалось в голове, – вспоминала она, – и мы все еще тешили себя надеждой, что это известие окажется ложным. Почему он отрекся от престола и что заставило его так поступить? Потом пришла еще одна печальная весть – об отречении великого князя Михаила Александровича… А потом к власти пришло Временное правительство… Все казавшиеся незыблемыми принципы один за другим превращались в ничто, а вокруг продолжались аресты, пожары, грабежи, на улицах убивали офицеров…»

Выступление перед солдатами

«Дрожа от страха, я стояла за кулисами, но, в конце концов, все же решилась выйти на сцену. То, что было потом, описать трудно. Весь зал встал и встретил меня громом аплодисментов. Мне устроили такую овацию, что оркестру пришлось прекратить играть, так как ничего не было слышно. По словам Рогова, все это длилось примерно четверть часа, и только потом я смогла начать выступление. После исполнения «Русской» мне снова устроили овацию, и танец пришлось повторить. Если бы у меня хватило сил, можно было бы исполнить «Русскую» и в третий раз. Восторженные солдаты бросали на сцену шапки, а у стоявших за кулисами на глаза навернулись слезы, настолько стремительным был переход от неуверенности и страха к восторгу, охватившему весь зал. Домой я вернулась усталая, но в приподнятом настроении, потому что сдержала обещание, и все закончилось благополучно. И лишь немногие знали, чего это мне стоило».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Сначала Кшесинская попыталась сама договориться с большевиками. Она просила отдать ей верхний этаж здания, где намеревалась открыть столовую с пансионом и жить этим заработком. Получив отказ, балерина обратилась в военную комиссию Временного комитета Государственной думы, к командующему Петроградским военным округом генералу Корнилову и в исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В прошении, направленном в исполком Петросовета и написанном для пущей убедительности на красной бумаге, Кшесинская вежливо настаивала на освобождении своего дворца. «Тем более, – писала она, – что у меня ребенок, а мы остались без крова». Снова безрезультатно. Тогда она пожаловалась министру юстиции Временного правительства Керенскому, который принял ее очень любезно, но освободить особняк не обещал, так как, по его мнению, это могло привести к кровопролитию.

«Русская» в Лондоне

Много лет спустя, уже в эмиграции, Кшесинская, которой тогда было 64 года, в последний раз вышла на сцену в том же номере «Русская». Это произошло в Лондоне 14 июля 1936 г., в заполненном до отказа театре Ковент-Гарден. У кассы висело написанное красными буквами объявление «Все билеты проданы». Об участии великой балерины в спектакле писали все английские газеты. Когда Кшесинская закончила свой танец, зрители устроили ей настоящую овацию. Балерину вызывали на сцену 18 раз, что в Англии случается крайне редко. Вся сцена была заставлена цветами, и казалось, что на нее накинули яркий ковер…

Кшесинская подала в суд

Отказы не остановили Матильду в ее борьбе за собственный дом, и она через своего адвоката Хесина подала на захватчиков в суд. Был возбужден гражданский иск о выселении. Ответчиками были указаны: «1. Петроградский комитет Социал-демократической рабочей партии; 2. Центральный комитет той же партии; 3. Центральное бюро профсоюзов; 4. Петроградский районный комитет партии социал-революционеров; 5. Клуб военных организаций; 6. Кандидат прав В. И. Ульянов (литературный псевдоним Ленин); 7. Помощник присяжного поверенного С. Я. Багдатьев; 8. Студент Г. О. Агабабов». Этот самый Агабабов, грузин с изрытым оспой лицом, был первым, кто поселился во дворце Кшесинской. Он стал устраивать в доме обеды, заставляя повара балерины готовить для его гостей, которые упивались шампанским из знаменитого винного погреба Кшесинской.

Выигрыш в суде

5 мая 1917 г. дело о захвате особняка рассматривалось в кабинете мирового судьи 58-го участка Чистосердова. Невероятно, но балерина выиграла суд! Правда, особняка своего так и не получила. Не вернулись к ней и ценные бумаги, деньги и драгоценности, стоимость которых, по тогдашним оценкам, составляла 2 миллиона царских рублей. Единственное, что ей вернули, – один из двух реквизированных автомобилей, который Кшесинская немедленно продала, чтобы выручить деньги на жизнь.

Все вокруг стремительно разваливалось, но Матильда Феликсовна пыталась, как могла, сохранить свои ценности. Банки, на ее взгляд, представляли для этого пока еще надежное место. Золотой венец, полученный в подарок от зрителей, она сдала на хранение в Кредитное товарищество вместе с другими ценными вещами, которые удалось вынести из особняка верному слуге Арнольду. Он пользовался статусом неприкосновенности, так как был подданным Швейцарии. Балерина поместила одиннадцать ящиков с серебром в Азовско-Донской банк, директором которого был ее сосед по даче в Стрельне. Лучшие украшения и драгоценности Кшесинской хранились у Фаберже, но после переворота он попросил все забрать, опасаясь обыска и конфискации. Тогда балерина отнесла ценности в Государственный кредитный банк на Фонтанке, умышленно занизив их стоимость, чтобы меньше платить за хранение. Кто же мог знать, что всего через несколько месяцев все национализируют? Напрашивается вопрос: куда делись бриллианты балерины после революции? Неизвестно. А квитанции из банков продолжали храниться у Кшесинской еще долгие годы в эмиграции…

…Как-то, медленно проезжая на извозчике мимо своего дома, Кшесинская увидела растоптанные клумбы и Александру Коллонтай, прогуливавшуюся по саду в любимом горностаевом манто балерины…

Лишилась Кшесинская и своей любимой роскошной дачи в Стрельне, которая, как ни странно, уцелела в революцию. После Великой Отечественной войны во дворце устроили коммунальные квартиры, которые были постепенно расселены. Дворец разобрали на бревна лишь в 1956 г. при сооружении спортивной площадки у административного корпуса Арктического училища, построенного ранее. До наших дней сохранилась каменная чаша фонтана и одиноко стоящая в бывшем парке опора фонарного

столба первой в Стрельне линии электрического освещени я. Говорят, что именно на даче в тайнике Кшесинская успела спрятать свои несметные сокровища…

Скитания

Лишившись крыши над головой и всего нажитого добра, почти полгода Кшесинская с сыном ютилась по чужим углам друзей и поклонников, пока наконец не решилась уехать на юг, надеясь хотя бы там укрыться от всяких потрясений. В июле 1917 г. после многочисленных хождений по канцеляриям и приемным она получила разрешение на свободный проезд по всей России – без него ехать было опасно, – с правом проживания в любом месте страны. Ее путь лежал в Кисловодск, где балерину ждал великий князь Андрей Владимирович, отправленный туда для лечения обострившегося бронхита с матерью, великой княгиней Марией Павловной. Прошел почти год, как Матильда не виделась с Андреем, находившимся на фронте. Она очень по нему скучала и хотела его увидеть как можно скорее. Да и Андрей, тревожившийся о судьбе любимой женщины и сына, умолял ее поскорее покинуть Петроград. Из его писем она знала, что переворот почти не затронул Кисловодск, и после нескольких тревожных дней жизнь там вернулась в обычное русло.

Великий князь Андрей Владимирович

На Николаевском вокзале 13 июля 1917 г. Кшесинскую с сыном провожал один только верный Сергей Михайлович,

выглядевший нелепо в своем длинном штатском плаще – его, как члена царской семьи, лишили воинского звания. Накануне отъезда он решился предложить балерине руку и сердце, но получил отказ.

Расставание с Сергеем Михайловичем

«Великий князь сделал мне предложение, но совесть не позволяла мне его принять, ведь Вова был сыном Андрея. К великому князю Сергею Михайловичу я испытывала бесконечное уважение за его преданность и была благодарна за все, что он для меня сделал в течение всех этих дней, но я никогда не чувствовала к нему такой любви, как к Андрею. Это была моя душевная трагедия. Как женщина, я была душой и телом предана Андрею, но чувство радости от предстоящей встречи было омрачено угрызениями совести из-за того, что я оставляла Сергея одного в Петербурге, зная, что ему угрожает большая опасность. Кроме того, мне было тяжело разлучать его с Вовой, которого Сергей безумно любил, хотя и знал, что тот не был его сыном. Со дня рождения Вовы он отдавал ему каждую свободную минуту, заботился о его воспитании, когда я во время театрального сезона была занята на репетициях и не имела времени для занятий с сыном, как мне того хотелось».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Отъезд

Прозвенел последний звонок. Поезд медленно тронулся. Матильда махала в окно Сергею, одиноко стоявшему на перроне и провожавшему уходящий вагон взглядом, исполненным боли и тоски. Они еще не знали, что не увидятся больше никогда…

Сергей Михайлович остался в Петербурге, чтобы позаботиться об имуществе Матильды, ведь, покидая столицу в это неспокойное время, люди надеялись, что беспорядки скоро закончатся и они вернутся на прежнее место. Надеялась на это и Кшесинская. Они еще не могли тогда осознать, что это не временные трудности, а трагический перелом в судьбе – и всей страны, и их собственной, что пути назад уже не будет, что все потеряно навсегда…

Великий князь пытался спасти мебель из особняка балерины и перевезти ее на склад к Мельцеру, но это ему не удалось. Не удалась и попытка переправить за границу драгоценности матери балерины и положить их там в банк на имя Кшесинской, чтобы у той были какие-то сбережения на черный день. Не смог он выехать и в безопасное место в Финляндию, да и вообще не хотел покидать Россию, чтобы не навредить Николаю и его семье. До его расстрела в Алапаевске оставалось чуть меньше года…

Николай II на охоте

Бенефисный подарок

«В тот день[8] я получила от Юлии Седовой хрустальную сахарницу в серебряной оправе, также

работы Фаберже, – вспоминала балерина в эмиграции. – После переворота эта сахарница осталась у меня дома в Петербурге, а потом я случайно наткнулась на нее в магазине ювелирных изделий в Кисловодске. Очевидно, ее украли и продали, а потом она переходила из рук в руки, пока не дошла до Кисловодска. Когда я обратилась в милицию и заявила, что сахарница является моей собственностью, мне ее вернули, и она по сей день находится у меня в Париже».

В Кисловодске Кшесинская с Вовой и Андреем поселилась в доме Щербинина. Дом был летний и одноэтажный, все комнаты располагались анфиладой и имели по обе стороны выход на галерею: с улицы и со двора. У Матильды, Вовы и Андрея было по отдельной комнате. Власть большевиков почти не ощущалась – до тех пор, пока из Москвы не приехал отряд красногвардейцев. Сразу же начались реквизиции и обыски, но великих князей пока не трогали. Балерину даже освободили от контрибуции, которую большевики наложили на местных буржуев, так как она заявила, что стала первой жертвой революции, потеряла дом и все имущество и платить ей нечем. Опасаясь обысков, она придумала хранить деньги в верхней части окна – чтобы их найти, надо было вынимать раму. А немногие сохранившиеся драгоценности спрятала в ножке железной кровати, спустив их туда на ниточке, чтобы при необходимости быстро вынуть. К Матильде присоединилась сестра с мужем, поселившаяся в соседнем флигеле, к Андрею – его брат великий князь Борис Владимирович. Жили впроголодь, стесненные, гонимые, затравленные, нищие, оборванные. Кшесинская ходила в одной и той же черной бархатной юбке – потертой, порыжевшей, – и какой-то бесформенной кофте, другой одежды у нее не было. Кто бы узнал в этой неприметной, затрапезного вида женщине божественную диву Кшесинскую? Но она и не хотела, чтобы ее узнавали, – так безопаснее. Тут уже было не до сожалений об утраченном. Спасти бы самое дорогое – жизнь, ведь по городу вовсю шли аресты.

Матильда постоянно опасалась за Андрея, и не напрасно. В один из дней его с братом Борисом и адъютантом фон Кубе все-таки арестовали и отправили в Пятигорск. Неизвестно, чем бы это закончилось, вернее, известно, если бы не помогла поклонница Кшесинской Л. А. Давыдова, жена крупного петербургского финансиста, у которой были свои люди среди комиссаров. Великих князей отбили с помощью горцев и отправили из города в горную Кабарду с подложными документами. В них говорилось,

что великие князья путешествуют по делам Пятигорского совета депутатов. Долгое время Матильда ничего не знала об их судьбе и страшно волновалась. Они вернулись, когда в город вошли казаки атамана Шкуро: Андрей подъехал к дому верхом, в черкеске, в окружении охраны из кабардинской знати. В горах у него отросла борода, и Матильда чуть не расплакалась: Андрей как две капли воды походил на императора.

Матильда Кшесинская о Николае II

Спустя полвека Кшесинская оставила очень точный психологический портрет последнего российского императора в своих воспоминаниях. Вчитаемся в это ценное свидетельство любящей и проницательной женщины, проливающее свет на многие трагические моменты российской истории: «У Ники было сильно развито чувство чести и достоинства. Он никогда не позволял забыть о дистанции, отделявшей его от всех остальных. Он был человеком высокообразованным, прекрасно знал языки и имел исключительную память, особенно на людей и на прочитанные книги. По натуре он был добрым и непосредственным и неизменно очаровывал окружающих своей улыбкой и взглядом голубых глаз, которые покоряли абсолютно всех. Одной из самых поразительных черт его характера была способность управлять своими эмоциями и скрывать от других глубокие переживания. Даже в самые трагические моменты жизни он сохранял внешнее спокойствие. Мне было совершенно ясно, что наследнику престола чего-то недостает для успешного царствования. Нет, нельзя сказать, что он был слабохарактерным. И все же он не мог заставить людей подчиниться своей воле. Его первые побуждения почти всегда были верны по сути, но настоять на своем он не умел и слишком часто шел на уступки. …Он был мистиком и прирожденным фаталистом и всегда верил в свое предназначение. Поэтому-то он даже после отречения не решился покинуть Россию».

Власть переходила из рук в руки, и скитания затянулись на несколько лет: семья бежала от большевиков в Анапу, потом вернулась в Кисловодск, затем снова пускалась в бега – и всюду их догоняли отправленные из Алапаевска письма Сергея

Михайловича, убитого несколько месяцев назад. В первом он поздравлял Вову с днем рождения – письмо пришло через три недели после того, как они его отпраздновали, в тот самый день, когда стало известно о смерти великого князя. Матильда долго не верила, что преданного Сергея нет в живых. Лишь когда в Париже ей передали снятый с тела убитого большевиками великого князя золотой медальон с ее портретом и надписью «Маля», балерина не смогла сдержать рыданий…

Не поверила Матильда и в гибель царской семьи в Екатеринбурге, хотя об этом во весь голос кричали на улицах продавцы газет. Это было настолько ужасным, что казалось невозможным. Все надеялись, что это лишь слухи, распространяемые большевиками, а на самом деле императору и его семье удалось спастись бегством. Надежда на счастливое избавление Николая от гибели еще долго теплилась в сердце Матильды, пока в Париже они с Андреем не узнали всех трагических подробностей от судебного следователя по особо важным делам Соколова, которому адмирал Колчак поручил расследовать обстоятельства гибели царской семьи.

Три года продолжались мытарства изгнанников, их бесконечные переезды с места на место – в панике, толчее и неразберихе, по бездорожью, а то и под огнем красной артиллерии… Снова осев в Кисловодске, занятом белыми, они на какое-то время успокоились, но это длилось недолго. Жили призрачными надеждами, одним днем, в обстановке постоянной тревоги. Чтобы скоротать время и не оставаться в одиночестве, ходили друг к другу в гости, пили чай, играли в карты…

Обстановка в Кисловодске в 1919 году

«В Кисловодске я поселилась в том же доме, что и до отъезда, – вспоминала балерина. – Жизнь шла вполне нормально и беззаботно, однако это напоминало пир во время чумы. Добровольческая армия победоносно продвигалась вперед, и мы все были уверены, что со дня на день будет взята Москва и мы вернемся домой. Мы тешили себя этой надеждой до осени, а потом стало ясно, что дела обстоят не так, как бы всем хотелось. Белые отступали».

Буквально за день до Рождества Христова 1919 г. до несчастных беженцев дошли тревожные сведения о новом наступлении красных, и они решили покинуть Кисловодск и

перебраться в Новороссийск, откуда, в случае опасности, можно было отплыть за границу. Они держались до последнего, но надежд больше не оставалось никаких. Надо было бежать от большевиков. С болью в сердце великий князь Андрей и его мать великая княгиня Мария Павловна все же решились уехать из России. 13 февраля 1920 г. Кшесинская и ее спутники поднялись на борт итальянского парохода «Семирамида». После пережитых невзгод и лишений обстановка показалась им верхом роскоши: чистое постельное белье, удобные кровати, ванна, туалет, чистые скатерти на столах. Их смущали только лохмотья, в которые они были одеты, но другой одежды не было. Через шесть дней «Семирамида», на борту которого находились Кшесинская с сыном, ее сестра с мужем, великие князья и Мария Павловна, взяла курс из Новороссийска на Венецию. Они прощались с Россией навсегда…

Глава 5. Эмиграция

Замужество

…Она стояла перед аналоем, не веря, что все это происходит с ней. Она венчается со своим любимым и через несколько минут станет светлейшей княгиней Романовой. Она мечтала об этом всю свою жизнь. И вот мечта сбывается. Каким же долгим и трудным был этот путь к заветной цели! Как же это все красиво, торжественно! Почему-то ей вспомнилась коронация Николая II… Матильда слушала священника и думала, как многим в жизни она обязана своему Ники. Это он всегда помогал ей добиваться своей цели. Так было и в том далеком мае 1900 г. Тогда она стояла в кабинете нового директора Императорских театров Владимира Теляковского и возмущалась: «Это мой балет! Гримальди – иностранка, она никогда не будет танцевать «Тщетную предосторожность»!» Теляковский немедленно отправил министру двора шифрованную телеграмму. Дело было секретное, государственной важности. На следующий день пришел ответ: «Так как балет этот – Кшесинской, то за ней его и оставить…»

Только после смерти Марии Павловны великий князь Андрей решился узаконить положение сына и вступить в законный брак с Матильдой. Они обвенчались в Каннах 17 (30) января 1921 г. Венчал их старый друг и духовник Андрея отец Григорий Остроумов. Свидетелями были муж сестры Матильды барон Александр Зедделер, граф Сергей Зубов и полковник Владимир Словицкий. Кроме свидетелей и сына, в храме никого не было. После венчания Вова был официально признан сыном Андрея Владимировича. В день свадьбы великий князь Андрей записал в своем дневнике: «Чудесно провели вечер. Наконец-то исполнилась моя мечта, и я очень счастлив».

Местоблюститель российского престола, великий князь Кирилл Владимирович, с чьего разрешения состоялось венчание, даровал Кшесинской титул светлейшей княгини Романовской-Красинской. Теперь в родственниках Матильды значились исключительно представители династии Романовых и через них особы других венценосных фамилий Европы. Она породнилась с болгарским, югославским и греческим царями, королями румынским, датским и шведским. Романовы были в родстве со всеми европейскими монархами, и Матильде Феликсовне случалось быть приглашенной к королевским обедам. Первой после венчания ее приняла королева Дании Александрина, двоюродная сестра великого князя Андрея Владимировича. Затем светлейшая княгиня Романовская-Красинская была представлена

королеве Румынии Марии. А чуть позже в Париже в отеле «Риц» ее приняла королева Греции Ольга. Думала ли Матильда, впервые встретившись взглядом с наследником престола на торжественном ужине в Императорском театральном училище, что ей когда-нибудь будут оказаны такие почести? Или она с самого начала решила в полной мере использовать выпавший ей шанс?

Принятие православной веры

Через четыре года Кшесинская приняла православие, искренне желая полного единства взглядов и веры в своей дружной семье. Как все трое ценили и берегли друг друга! Не упрекая никогда и ни в чем. На Пасху она говела и причащалась вместе с Андреем Владимировичем и Вовой. С рождения Кшесинская была католичкой, но сейчас она признавалась, что ее всегда тянуло к православной вере, что часто ходила в русскую церковь, а в школе посещала уроки Закона Божьего, которые вел отец Пигулевский, ставший впоследствии учителем Вовы.

«Императорские театры перестали существовать, и я не испытывала желания танцевать!» – писала балерина. По этой причине она отказала Дягилеву, пригласившему ее участвовать в следующем сезоне русского балета в Париже, хотя и была польщена этим приглашением. Отказала она и директору Парижской Оперы Руше, хотя в свои 48 лет находилась в прекрасной форме и могла бы с успехом танцевать. Но ей этого больше не хотелось.

Анна Павлова

– Малюня, какое счастье снова вас видеть! – Анна Павлова обняла подошедшую к ней после концерта в отеле «Кларидж» Кшесинскую. – Давайте снова вместе станцуем гранпа из

«Пахиты», как тогда, в Петербурге. Здесь, в Париже, живут Карсавина, Трефилова, Седова, Егорова, Преображенская. Вы будете исполнять главную роль, а мы все станем на заднем плане. Получится замечательно!

Слова Павловой, находившейся тогда в самом расцвете славы, глубоко тронули Кшесинскую. А то выступление в Петербурге в 1908 г., о котором вспомнила Анна Павловна, действительно было грандиозным. Выход каждой балерины, выбравшей «свою», самую выигрышную, вариацию, сопровождался громом оваций. А самым ярким бриллиантом в этом танцевальном ожерелье была, конечно, она, несравненная прима Матильда Кшесинская. Все это придало спектаклю невиданный блеск, и это был настоящий праздник балета в духе Кшесинской, которой и принадлежала идея этого волшебного представления. Праздник продолжился и после выступления – щедрая Кшесинская, любившая угощать людей и создавать им хорошее настроение, устроила ужин для балерин в модном ресторане Кюба. Чтобы не возникло хлопот с рассаживанием гостей, Матильда заказала круглый стол. Были приглашены только дамы, а мужчины не имели права приближаться к столу до окончания ужина. Стол стоял в центре зала и привлекал всеобщее внимание. Лишь когда в конце трапезы подали кофе, мужчинам разрешили подойти, и Кшесинская угостила всех шампанским. Один из балетоманов взял тарелку и стал собирать у гостей золотые, серебряные и медные монеты. Вскоре Матильда получила в подарок серебряную тарелку от Фаберже, к которой были припаяны все собранные в тот памятный вечер монеты, а на тарелке была надпись в память того ужина у Кюба.

Балетная студия Кшесинской

Она наслаждалась девять лет «негромкой» жизнью с дорогими ее сердцу людьми – мужем, сыном, друзьями. Однако ее ищущая душа требовала чего-то нового. К тому же нужны были средства к существованию. После мучительных раздумий Матильда Феликсовна едет в Париж, подыскивает жилье для семьи и помещение для своей балетной студии. Она переживает, что не наберет достаточного количества учащихся или «провалится» как педагог, но первый урок 6 апреля 1929 г. проходит блестяще, и совсем скоро ей придется расширяться, чтобы принять всех желающих учиться у нее балетному мастерству. Назвать Кшесинскую второстепенным педагогом не получается, стоит только вспомнить ее учениц, звезд мирового балета, – Марго Фонтейн и Алисию Маркову. Она преподавала истинно в своем духе: академичность плюс темперамент. Среди учениц Матильды Феликсовны были дочери Шаляпина, а самой первой ученицей стала Татьяна Липковская, сестра знаменитой певицы Лидии Липковской, которую Кшесинская считала своим талисманом и говорила, что Татьяна принесла ей счастье.

Князь Сергей Волконский о преподавании Кшесинской

В классе Кшесинской Волконского больше всего поражало параллельное развитие техники и индивидуальное ощущение красоты. Эта черта, верно подмеченная таким знатоком балета, каким был князь, и делала балерину заметным педагогом. «Только тот, кто бывал в студии княгини Красинской, кто присутствовал на уроках, может оценить степень той воспитательной работы, которую вкладывает она в свое дело, – писал Волконский. – Ни одно из упражнений не ограничивается сухим воспроизведением гимнастически-технической задачи: в самом, казалось бы, бездумном есть место чувству, грации, личной прелести».

Частым гостем в студии Кшесинской был князь Сергей Волконский. Да, тот самый директор Императорских театров, подавший в отставку после скандала с костюмом балерины в спектакле «Камарго». Они встретились в антракте в каком-то театре и едва не бросились друг к другу в объятия, как будто

между ними ничего не произошло. Князь стал заходить к Кшесинской домой, всегда с букетиком цветов в руках. Когда зашла речь о давней размолвке, балерина сказала: «Сергей Михайлович, я вас нисколько в этом не виню. Вся ответственность за нашу ссору лежит на тех людях, которые стремились настроить вас против меня». «Да, вся эта история была представлена в совершенно ином свете. Мне сказали, что вы назло мне не хотели надевать фижмы». Теперь Волконский переживал, что поверил сплетникам, и если бы он вызвал балерину к себе и объяснился с ней, никакого конфликта бы не произошло. Но что поделаешь… Было решено предать прошлое забвению и стать друзьями.

Однажды Анна Павлова решила посетить студию Кшесинской. Это стало большим событием: гостью восторженно приветствовали ученицы, вручив великой балерине цветы. Она внимательно посмотрела урок Матильды Феликсовны и на прощание, поцеловав ее, сказала: «А я-то думала, что это просто фантазии, но теперь вижу, что вы и правда хороший педагог».

Кшесинская всегда с удовольствием принимала у себя русских артистов и непременно рассказывала о памятном скандале с фижмами в балете «Камарго» – с юмором, в лицах, ведь она была прекрасной рассказчицей. В 1933 г. в Париже гастролировали солисты Большого театра Асаф и Суламифь Мессереры. В антракте Кшесинская зашла к ним за кулисы, вместе с другими знаменитыми петербурженками – Ольгой Преображенской и Любовью Егоровой, в сопровождении князя Волконского. Говорили все разом, и особенно оживленно – Матильда Феликсовна. Прощаясь, она сказала очаровательным тоном повелительницы: «Приходите ко мне завтра, я вас жду!» А в 1969 г., когда Матильде Феликсовне было уже 97 лет, ее навестили Екатерина Максимова и Владимир Васильев. Им запомнились полные жизни, живые глаза абсолютно седой балерины, ее ясный ум и молодой голос. А она была счастлива, что на родине о ней не забыли. Но разве Кшесинскую можно забыть?..

Асаф Мессерер о Матильде Кшесинской в 1933 году

«Я смотрел на Кшесинскую и не верил глазам своим. Ведь передо мной стояла «царица» Петербургского балета! Это о ней всесильный и остроумный Владимир Аркадьевич Теляковский, директор Императорских театров, писал, что истинной директрисой Мариинского театра до

революции была именно она! Кшесинской было за шестьдесят, но выглядела она просто великолепно. Необыкновенно нарядная, сияющая, с веселыми умными глазами. Рядом с ней ее ровесница Преображенская казалась сухонькой, сгорбленной старушкой».

Вторая мировая война

Начало Второй мировой войны перевернуло ее налаженную жизнь. На улицах Парижа было темно, завывали сирены, приучая людей к сигналам воздушной тревоги. Резервистов снова призвали в армию, и некогда нарядные, оживленные парижские улицы опустели. Почти полностью остановилось движение автобусов, а метро работало с перебоями. Опасаясь бомбежек, Кшесинская с семьей переехала в пригород Парижа Везине, а при подходе немецкой армии к Парижу отправилась в Биарриц, на границу с Испанией. Переезд был ужасным. На вокзале толпились тысячи людей, и сесть в поезд удалось с огромным трудом. Но вскоре и туда пришли немецкие войска. Прожив в Биаррице три с половиной месяца, балерина с семьей возвратилась в оккупированный Париж. Сразу же в студии стали появляться ее ученицы. Их число, конечно, сильно сократилось, однако на скромное существование средств хватало.

Вторжение Германии в СССР

«22 июня 1941 года немцы перешли границу нашей родины. Узнали мы об этом за утренним кофе и были убиты страшной новостью. Что будет с нашей несчастной Россией и что будет с нами? Вова давно считал, что война между Россией и Германией неизбежна, и прекрасно понимал, что случится с Россией, если, не дай Бог, победят немцы. Ни своего титула, ни отношения к немцам сын никогда не скрывал и хорошо осознавал, что его ждет в случае войны. Он был готов к испытаниям, которые ждали его впереди, и не таил этого от нас».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Положение Кшесинской осложнилось тем, что гестапо вскоре арестовало ее сына за антифашистскую деятельность. Пришлось сильно поволноваться: Владимир входил в кружок русских масонов, а для фашистов любая организация представляла потенциальную опасность. Кого-то из взятых по этому делу расстреляли, но молодой князь не пострадал, и Матильда Феликсовна считала это влиянием Провидения: в лагере номер Владимира был «119» – ровно 119 дней сына в заключении и

продержали…

Большое несчастье обрушилось на семью в 1943 г., когда скоропостижно скончался великий князь Борис Владимирович, брат Андрея. Во время обеда его жена позвонила Матильде Феликсовне и сказала, что Борису очень плохо. Матильда и Андрей сразу поехали к ним, но не успели – великий князь умер. Андрей Владимирович был убит горем и сказал: «Теперь моя очередь». Но прожил после этого еще 13 лет…

После освобождения Франции в 1944 г. Кшесинская с помощью своих учениц Нинет де Валуа и Марго Фонтейн организовала передвижную балетную труппу, которая выступала с концертами перед солдатами. Одновременно возобновились занятия и в ее студии. В 1950 г. Кшесинская поехала в Англию, где стала руководить Федерацией русского классического балета, в которую входило 15 хореографических училищ.

Без сожаления о прошлом…

Текло время, уходили из жизни старые друзья, меркли впечатления. А она продолжала жить, любить, вспоминать, преподавать, неся на себе неизгладимый отпечаток славы русского императорского балета. Сожалела ли она о прошлом? Вряд ли. Она была легким человеком и так и относилась к жизни – легко принимала ее подарки и так же легко отпускала. О всех отзывалась хорошо и не помнила зла. Не переживала слишком уж глубоко и не расстраивалась по пустякам. По современной терминологии – позитивный человек…

Кшесинская намного пережила своего мужа, друзей и врагов. Полной неожиданностью для нее явилось известие о смерти Сергея Дягилева. Это случилось в Венеции 19 августа 1929 г. Дягилеву было всего 57 лет. «Чем прозябать и вянуть, лучше умереть в тридцать лет», – часто повторял он при жизни. Вот и напророчил себе раннюю смерть… Черная траурная гондола перевезла его тело на остров Сан-Микеле, где расположено городское кладбище. Оказалось, что у великого импресарио не было собственных денег, и его похоронили на средства друзей – Габриэль Шанель и Миси Серт. Венеция была одним из любимых городов Дягилева. Здесь, в призрачном царстве красоты, он обрел свой последний приют. Не так уж ошиблась цыганка, в свое время предсказавшая ему смерть на воде.

Матильда Кшесинская о Сергее Дягилеве

«Дягилев был выдающейся личностью и самобытным талантом. Он великолепно разбирался в искусстве и литературе, любил и понимал балет. О балете мы с ним разговаривали часами.

…Заслуги Дягилева в этой области огромны. Именно он познакомил Европу с русским балетом, русской музыкой и сценографией».

В январе 1931 г. на гастролях в Гааге тяжело заболела Анна Павлова. По просьбе ее мужа Виктора Дандре Кшесинская прислала для Анны доктора Залевского, который в то время лечил великого князя Андрея. Но, несмотря на все усилия врачей, спасти великую балерину не удалось… Великий князь Андрей очень любил Павлову, и, поскольку он тогда плохо себя

чувствовал, от него скрыли это скорбное известие. Лишь через несколько месяцев он натолкнулся на старую газету с сообщением о смерти божественной Анны.

В апреле 1950 г. в Лондоне ушел и Нижинский, на долгие годы трагически оторванный от мира душевной болезнью. Его вдова Ромола рассказывала Кшесинской, что незадолго до смерти наступило такое значительное улучшение, что Вацлав стал почти нормальным и вспоминал прежние времена, часто повторяя имя балерины: «Маля, Маля…»

Сергей Дягилев и Леонид Мясин

Подарок Нижинского

«Вацлав Нижинский очень ценил то, что я сделала для него в начале его творческого пути, и до конца своих дней был мне за это благодарен.

В знак симпатии он подарил мне красивую икону, сделанную из перламутра, в серебряном окладе. Такой выбор свидетельствует о благородстве души.

Я повесила икону у себя в спальне. Специальная подсветка еще больше подчеркивала ее изящную и тонкую отделку. Среди множества ценных вещей, которые я потеряла во время революции, была и эта икона. Ее мне особенно жаль, так как это была память о прекрасных днях моей артистической жизни, а также о добром и благородном человеке, который преждевременно ушел со сцены, хотя мог бы еще столько сделать для искусства».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Сказка закончилась…

Но самой большой потерей явилась для нее смерть мужа, великого князя Андрея Владимировича. 30 октября 1956 г. он скончался внезапно, как и его брат. Правда, его здоровье к тому времени сильно пошатнулось, и Матильда Феликсовна постоянно опасалась за его жизнь, но в тот день не было никаких признаков быстрого и безвременного конца. Князь Андрей перенес тяжелый грипп, но врач утверждал, что его жизни ничего не угрожает. В то утро он чувствовал себя хорошо, обсудил с сыном какие-то дела, а потом пошел к себе в кабинет, чтобы написать письмо. Неожиданно у него закружилась голова, он успел дойти до своей кровати и лечь. Через две минуты его не стало. Матильда Феликсовна с Вовой, не веря, что Андрея Владимировича больше нет, заплакали и, опустившись на колени, стали молиться. Отпевали великого князя в соборе Александра Невского в Париже. Отпевание совершил митрополит Владимир, а помогало ему почти все русское духовенство, жившее тогда в Париже. Во время похорон собор и прилегающие к нему улицы были заполнены людьми. Возможно, их было даже больше, чем на Пасху. Роман с Романовыми, длившийся 66 лет, завершился…

Вторая слева – Матильда Кшесинская, пятый – Андрей

Владимирович, справа от него Тамара Карсавина

Смерть мужа

«Первую ночь я провела у гроба Андрея. Смерть еще не успела наложить на его лицо свой отпечаток, и казалось, что он спит.

Не было только слышно его чудесного бархатного голоса. Андрея одели в мундир артиллерии конной лейб-гвардии, в которой он прослужил всю жизнь и которой командовал во время войны.

…Со смертью Андрея закончилась сказка, какой была наша с ним жизнь.

У меня остался сын, который теперь стал единственным смыслом моего существования».

(Из воспоминаний Матильды Кшесинской.)

Когда за границей были изданы дневники Николая II, Матильда Феликсовна прочитала их со слезами на глазах. Многие строки в этом дневнике были понятны только ей одной. Всю жизнь она вспоминала Николая очень трепетно, и, наверное, это все-таки была ее самая большая искренняя любовь. Кто знает, может быть, и Николай в душе тоже продолжал ее любить, скрывая это от самого себя…

После смерти мужа Кшесинская никуда не выезжала, проводила время дома и в балетной студии. Однако, когда в 1958 г. в Париж приехал Большой театр, она не могла не посетить Оперу. На спектакле она плакала от счастья, потому что узнала в выступлениях москвичей все тот же балет, каким он был 40 лет назад. В нем, как и прежде, сохранялись душа и традиции.

Впечатления Кшесинской о спектаклях Большого театра в Париже в 1958 году

«Конечно, техника теперь стала гораздо совершеннее. Совершенствование техники, разумеется, достойно похвалы, но только при условии, что балетная труппа не ставит перед собой цель эпатировать публику акробатическими трюками, а стремится очаровать ее красотой танца. В России, как нигде в мире, удалось

соединить технику танца с настоящим искусством. А это великое дело».

Сон

…Однажды, когда она лежала в госпитале после операции на сломанной ноге, ей приснился странный сон: театральное училище в Санкт-Петербурге, ученицы, которых она не видела, но ощущала, что они рядом, бушующий за окнами ливень… Она объясняла ученицам расположение помещений и вдруг услышала крик: «Идут! Идут!» На вопрос, кто идет, ей ответили: «Царская семья». «Это идут их души», – пояснил чей-то голос, а потом все хором запели: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав…» Все бросились вниз встречать императора у открытых настежь входных дверей. Опять все запели «Христос воскресе». Она бежала вместе со всеми и думала, что, увидев императора, упадет перед ним на колени и будет целовать ему руки. Но после того, как хор запел в третий раз, она проснулась в слезах… Вся жизнь прошла у нее перед глазами. Она получила все, что хотела – славу, богатство, титул, – и поняла, что ничего в ее жизни не имело значения, кроме записей, которые много лет назад сделал в своем дневнике наследник престола, ее любимый, обожаемый Ники…

В старости балерина много и тяжело болела. Отказывали суставы, случались переломы, ее возили в инвалидной коляске. Но она не сдавалась, даже когда сломала шейку бедра в том возрасте, когда обычному человеку это грозит медленным умиранием. Ничто не могло ее сломить! Каждое утро она встречала учениц в своей студии с изящной палочкой в руке, и все начиналось заново: батман, плие, аттитюд, жете-ан-турнан…

Говорят, до последних дней, несмотря на болезни и страдания, в ее глазах сохранялся живой блеск.

Кончина

Матильда Кшесинская скончалась 6 декабря 1971 г. на руках своего сына, не дожив всего лишь 9 месяцев до своего 100-летнего юбилея. Последний приют великая балерина нашла на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, рядом со своим мужем, великим князем Андреем Владимировичем. На ее надгробном камне надпись: «Светлейшая княгиня Мария Феликсовна Романовская-Красинская, заслуженная артистка Императорских театров Кшесинская».

С Романовыми в жизни, с Романовым и после смерти…

notes

Сноски

1

Сын поэта Алексея Плещеева. – *Авт.*

2

Если прочитать название виллы справа налево, получится уменьшительное имя балерины Маля.

3

Ему тогда было 77 лет.

4

Па-де-де (фр. pas de deux, буквально – «танец вдвоем», «танец для двоих») – музыкально-танцевальная форма. Окончательная структура сложилась во второй половине XIX в.: выход двух танцовщиков (антре), адажио (дуэт, исполняемый в медленном темпе), мужской и женский сольный танец (вариации) и совместная кода (заключение).

5

«Тщетная предосторожность» – балет в двух действиях, созданный французским балетмейстером Жаном Добервалем. – *Авт.*

6

Это событие произошло в 1911 г.

7

Федор Раскольников – советский военный и государственный деятель, писатель и журналист. – *Авт.*

8

В день бенефиса 1911 г.